БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА

КУБАНСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ #7

МЕДИА КНИГА

ВАСИЛИЙ САХАРОВ

КОГДА ПРИШЛА ЧУМА

Василий Иванович Сахаров

Когда пришла чума

Серия «Кубанская Конфедерация», книга 7

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70065088
Когда пришла чума: Студия «МедиаКнига»; М.; 2023
ISBN 4640174172965

Аннотация

Модифицированный боевой вирус вырвался из-под контроля. Каждый день безжалостная болезнь уносит миллионы жизней. Но гораздо хуже, что многие люди стали хуже диких зверей. Они убивают друг друга ради боеприпасов, еды, топлива и одежды. Никому нельзя верить. Мир погрузился в хаос и через страну, которая раньше была Россией, пробираются на север двое, дядя и племянник. Крутые мужчины – они многое умеют и не стесняются применять силу. Но даже им непросто добраться до цели и не факт, что все закончится благополучно.

Содержание

1	5
2	22
3	28
4	34
5	42
6	46
7	52
8	57
9	64
10	68
11	74
12	82
13	89
14	97
15	104
16	110
17	118
18	124
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Василий Сахаров
Когда пришла чума

© ООО «МедиаКнига», 2023

1

Для Андрея Ивановича Вагрина, по кличке Вага, день начинался как обычно, и ничто не предвещало беды. Он проснулся, плотно позавтракал и снова упал на кровать.

Заняться было нечем и срочных дел не предвиделось. За окном жаркий летний день и московская суета, которую Вагрин не любил, и в его душе царила тоска. Никуда не надо спешить и день обещал быть размеренным, долгим и скучным. А причина его плохого настроения простая – усталость. Завтра ему исполнится сорок лет, круглая юбилейная дата, и он ничего не хотел.

По меркам обывателей у него было все, о чем многие могли только мечтать. Здоровье. Квартира в центре Москвы. Деньги. Хорошая машина. Маленькая уютная вилла в Испании и красивые женщины, которых Вагрин иначе как самками не называл и всегда покупал. А стимула двигаться дальше, и к чему-то стремиться не было. Родители и старший брат давно умерли, а из близких людей остался только племянник Ванька, который служил в армии. Поэтому он был один, катился по жизни, сшибая преграды, и пока еще не схлопотал свою пулю. Хотя чего только не пришлось испытать в жизни. И повоевать успел, и в криминальных разборках участвовал, и в горы лез, и по лесам бродил, и в морские шторма попадал. В молодости – это интересно. А сейчас его

было трудно чем-то удивить и все опостылело.

– Жениться что ли? – задал он сам себе риторический вопрос. – Может, тогда что-то изменится?

Хандра. Она накатывала всякий раз, перед тем как судьба кидала Вагрина в очередную авантюру и, подумав об этом, он улыбнулся. Волчье чутье подсказывало Андрею Ивановичу, что жизнь готовит ему новое испытание, и он был к этому готов. Хоть война, хоть разборка. Что угодно, только бы начать движение к какой-то определенной цели…

Неожиданно, вторя его предчувствиям, зазвонил мобильник и он увидел, что это Шарукан, старый приятель и работодатель.

«А вот и приключения», – подумал он и ответил:

– На связи.

– Привет, – в трубке напряженный голос Шарукана. – Ты в столице?

– Конечно.

– Приезжай ко мне, я за городом. Соберется «старая гвардия». Ты мне нужен.

– Все настолько серьезно?

– Более чем. Дело жизни и смерти. Оно касается всех.

– Принял.

Вагрин отключился, оделся, вышел из квартиры и через десять минут был на стоянке возле дома. Зачем он понадобился Шарукану, по паспорту Алексею Аскерову, неизвестно. Но если криминальный авторитет, а по совместительству

депутат Государственной Думы и солидный бизнесмен, зовет в гости, надо ехать. Он зря болтать не станет.

На мгновение Вагрин замер на месте и посмотрел на свое отражение в лобовом стекле автомобиля. Широкоплечий коротко стриженый блондин в светлом костюме улыбался и Вагрин сам себе подмигнул, а затем сказал:

– Все путем, Андрюха. Есть еще порох в пороховницах.

Сев в машину, он выехал из тесного арбатского дворика и направился в сторону Рублево-Успенского шоссе. Через час, на удивление быстро, избежав серьезных пробок, выбрался из столицы, подъехал к дому Шарукана и посигналил.

Ворота открылись сразу, и Вагрин увидел охранников Аскерова. Два здоровых бугая в одинаковых темных костюмах и с помповыми ружьями. Стволы обычно никогда не светились. Но, видимо, Шарукан реально чего-то опасался.

Он въехал во двор, посмотрел на машины, которые стояли перед домом, и покачал головой. Разговор, в самом деле, предстоит серьезный и произошло что-то необычное, ибо вся «старая гвардия» здесь.

В холле его встретил хозяин, скуластый брюнет. На четверть татарин, на четверть поляк, на четверть башкир и еще на одну четверть украинец. Такие вот метаморфозы. Одет в дорогой костюм, под пиджаком что-то слегка выпирало, наверняка, в наплечной кобуре пистолет.

– Здравствуй, братка, – поприветствовал он Вагрина и мужчины обнялись.

– Здравствуй, Шарукан.

– Проходи, только тебя и ждем.

Аскеров провел Вагрина в гостиную и на входе он остановился. Его цепкий взгляд скользнул по лицам гостей, которых он знал, и люди эти были, в большинстве, не простые. Можно говорить прямо – опасные. Такие же, как он и Шарукан.

Возле окна два закадычных друга, Серж и Утес. В далеком прошлом спецназовцы ГРУ, которые после увольнения из армии открыли собственное сыскное агентство. Бизнес не пошел, и друзья переквалифицировались в киллеров. Работали они не только в России, но и за рубежом. А затем остепенились, открыли спортивный зал для богатых клиентов и обзавелись семьями. Однако хватку Серж и Утес не потеряли. И со своим постоянным работодателем Шаруканом поддерживали теплые дружеские отношения. Не приятельские и деловые, как это было с Вагриным, а именно дружеские.

На диване перед телевизором, попивая баночное пиво, расположился Вепрь, громила под два метра ростом. Он из спортсменов, борец. В девяностых ходил под люберецкими и в разборке схлопотал пулю. По этой причине, когда примчалась милиция, не успел удрать, был схвачен и отправился на нары. Отсидел четыре года, а затем каким-то образом вышел на Шарукана, показал себя в деле и одно время возглавлял его охрану, внешний круг из быков. А пару лет назад Вепрь куда-то пропал. По предположению Вагрина, за-

валил кого-то по приказу своего начальника и спрятался в провинции.

Рядом с Вепрем, в кресле, закрыв глаза, находился еще один интересный субъект. Худой, словно палка. Лицо с заметным желтоватым оттенком, на левой руке нет двух пальцев. Его позывной – Наемник. Непоседливый человек, убийца и шпион. Успел побывать в Африке, в Латинской Америке, в Азии и Европе. По слухам, у него есть семья, которая проживала в Германии. Но это только слухи. Скорее всего, он одиночка, и с Шаруканом душегуб пересекся во время войны с Крапом. Был такой воровской авторитет в девяностых. Прибыл в столицу, сколотил группировку и наехал на Аскерова, который только-только начал набирать вес. Наверное, он считал, что сможет легко задавить молодого и борзого Шарукана. Вот только вор ошибался, поскольку в Москве его сибирский авторитет ничего не значил. И в ходе трехдневной военной компании, во время которой Вагрин работал совместно с Наемником, его банда была уничтожена. Кого убили, кто-то исчез без следа, а кого-то менты по наводке конкурентов приняли. После чего Крап снова отправился на зону и во время этапирования был застрелен конвоиром.

Такие вот люди собрались у Аскерова. А помимо них были и малознакомые, с которыми Вагрин сталкивался редко. Слегка полноватая дамочка, привлекательная блондинка с весьма недурственным бюстом, Аллочка Смирнова, любовница Шарукана и его подпольный казначей. Пара моло-

дых парней, родственники Аскерова по материнской линии, приехали с Украины. Средних лет интеллигент, главный медик команды Валерий Ильич Арцыбашев. И пожилой дядечка, почти старик, длинноволосый и совершенно седой. Это крестный Аскерова, очень близкий ему человек, вор в законе Миша Колыван, который несколько лет назад отошел от дел. Именно с его подачи Шарукан стремительно приподнялся после возвращения из армии, где вместе с Вагриным служил в одном разведвзводе. А потом начал развивать криминальные таланты, за год отбил себе несколько кормушек и заимел нехилый авторитет. Итого: вместе с хозяином дома одиннадцать человек…

– Проходи-проходи, – Аскеров слегка подтолкнул Вагрина в спину и усмехнулся: – Не стесняйся, все свои.

Сделав пару шагов вперед, Андрей Иванович кивнул и поприветствовал честную компанию:

– Добрый день, господа и дамы.

Кто-то ему ответил, но большая часть промолчала. Надо сказать, что ближние люди Шарукана недолюбливали Вагрина. Для них он темная лошадка и человек со странностями, сам себе на уме. А чего не понимаешь, того опасаешься, и его считали личным ликвидатором Шарукана, что было близко к истине. Они клан хищников, а Вагрин рядом. Вроде бы свой, но в тоже самое время отдельно. И если бы не Шарукан, который никогда не забывал, как Вагрин вытащил его раненого из-под огня духовского пулемета, они бы давно

его загрызли.

Впрочем, это неважно. Вагрин присел рядом с Вепрем и приготовился слушать Шарукана. Интересно же, ради чего сбор. А он время не тянул, включил новости, выбрал американский канал, а там опять разговоры про эпидемию. Почерневшие трупы в ужасных струпьях и гнойниках. Вооруженные полицейские кордоны, солдаты Национальной гвардии и много военной техники. Переполненные полевые госпиталя и больницы. Горящий Нью-Йорк. Сюжеты из Лос-Анджелеса, Филадельфии и Бостона. Банды мародеров. Озабоченные политики и ученые мужи в белых халатах, которые уверяли население, что ситуация под контролем и лекарство вот-вот появится.

Новостной канал смотрели несколько минут. После чего Аскеров выключил телевизор и сказал:

– Значит так, друзья мои. Слушайте, запоминайте и не говорите потом, что ничего не слышали. Пару недель назад один сумасшедший тип, некто Фредерик Стюарт, сотрудник Школы Общественного Здравоохранения Роллинса, смог проникнуть в лабораторию CDC – это Центр по Контролю и Профилактике заболеваний рядом с городком Друид Хиллс неподалеку от Атланты. Он когда-то там работал, но у доктора поехала крыша, и его отстранили. Вот только он не успокоился и смог похитить модернизированный вирус черной оспы. По сути это боевой вирус-модификант. И он уже в бою. Сумасшедший доктор распылил вирус над Нью-

Йорком, и спасения от него нет. Не существует вакцины и чудодейственных лекарств. Мир никогда уже не будет прежним и грядет апокалипсис. Это я заявляю вам не только как ваш друг. Но и как депутат, который вчера вечером присутствовал на закрытом заседании одной хитрой комиссии, где обсуждалась данная проблема.

Аскеров прервался, и Миша Колыван поторопил его:

– Короче, что ты предлагаешь?

– Мое предложение в следующем. Необходимо затихариться и отсидеться подальше от людей в укромном месте. – Шарукан усмехнулся и добавил: – Такое место имеется. Как вам известно, одно время я бредил тем, что наступит апокалипсис: война придет, землетрясение случится, потоп всех накроет, прилетят инопланетяне или в Землю ударится крупный метеорит. Поэтому готовился к подобному варианту. Однако потом перерос эту чепуху и все забросил. А теперь, как выясняется, зря.

– Что за место? – следующий вопрос задал Утес.

– Старый военный бункер на севере. Если быть точнее в Ненецком автономном округе. Была когда-то у наших вояк идея основать заглубленный командный пункт для особо важных персон, и бункер почти построили. Потом перестройка, объект бросили и пару лет назад я вполне официально выкупил его у Министерства Обороны. После чего на базе провели ремонт, модернизацию и создали склад. Кстати, – он кивнул в сторону Вепря, – наш корешок жил там

долгое время и отвечал за состояние бункера.

Вепрь кивнул и пробурчал:

– Так и есть.

Аскеров продолжил:

– Что будет дальше, я вижу четко. Эпидемию не остановить. Ее даже сдержать не получится. Первые зараженные уже в России, в Москве, Питере и Новосибирске. Мир замер перед бездной и вскоре все покатится в тар-тарары. Миллиарды умрут. Миллионы выживут. Все или почти все достижения цивилизации будут забыты и люди начнут убивать друг друга. За патроны. За топливо. За одежду и транспорт, а то и просто ради прихоти. Для меня это непреложный факт. Но я надеюсь, что наступит день и человечество снова вернет себе былое величие. Когда это произойдет – неизвестно. Однако я хочу, чтобы наши дети уцелели. Не только мои, но и ваши. Поэтому собрал вас, людей, которым могу доверять, и делаю предложение отправиться со мной. У кого есть вопросы, задавайте.

Руку поднял Арцыбашев:

– Разрешите?

– Да, – Шарукан кивнул.

– Это точно, что зараженные уже в России?

– Точно.

– Много?

– Уже больше сотни только зарегистрированных случаев.

– Что планирует правительство?

– Ничего. В высших эшелонах власти царит растерянность. Президент и министры собираются бежать. Как и я, они намерены пересидеть опасное время в убежищах. Благо, укромных и безопасных мест хватает, страна у нас огромная. На Алтае, говорят, целый подземный город есть. А помимо того существует множество секретных объектов, бункеров и пещер. Так что народа уцелеет немало.

– А как же простые люди? – в растерянности доктор развел руки.

Шарукан поморщился:

– Граждане страны будут предоставлены сами себе. Лекарства, как уже было сказано, нет и не предвидится. Миллионы людей не спрятать, для этого нет возможности. Следовательно, уцелеют только богатые, удачливые и счастливчики, имеющие иммунитет. По прогнозам наших ученых, которые связались с американскими коллегами, таковых будет пять-восемь процентов, не больше.

– Что известно про вирус? Как он распространяется?

– Вирусная инфекция передается воздушно-капельным путем и через кожу. Бактерии могут жить сами по себе, в частичках кожи, не менее полугода. Больные умирают на пятый-шестой день, даже те, кто имел прививку, и им ничто не помогает, ни хваленый метисазон, ни мощные антибиотики, ни плазмоферез, ни ультрафильтрация, ни введение коллоидных растворов. Американская медицина, без преувеличения, наверное, самая лучшая в мире, но и она ничего не мо-

жет противопоставить вирусу. До сих пор нет ни одного человека, кого бы предъявили как пережившего седьмой день, а количество зараженных людей, каждый из которых становится вибриононосителем, растет в геометрической прогрессии. Такова информация, которой я владею.

– Прогнозы есть, когда вирус накроет Москву?

– Самые приблизительные. Через пару дней правительство будет вынуждено объявить, что мы тоже под угрозой. После чего наступит хаос, и город попытаются закрыть. Хотя бы частично. Осталось сорок восемь часов. Максимум. И это время необходимо использовать с полной отдачей.

Доктор кивнул и сказал:

– У меня вопросов больше нет.

– Кто следующий? – Шарукан посмотрел на своих верных товарищей.

– Пожалуй, что я, – в разговор вступил Наемник, который несколько секунд помолчал и спросил: – Почему ты решил спасать именно нас?

– А тебя что-то не устраивает? – Аскеров сделал к нему шаг и навис над Наемником.

– Все в порядке, Шарукан, – убийца поморщился и пожал плечами. – Просто разобраться хочу. Сам посуди. Ты имеешь базу, деньги и ресурсы. Мы под твоим командованием. Но вот в чем закавыка – в этой комнате собрались не самые смирные люди. Честное слово, тебе проще набрать работяг, которые слова поперек не скажут. С ними спокойней.

– Ты прав, – Аскеров улыбнулся. – Проще взять послушных рабочих, может быть, даже с семьями. Однако мне нужны не просто болванчики, а соратники, товарищи, друзья. Я вижу общую картину того, что произойдет, но не знаю, что ожидает нас в будущем. Поэтому требуются люди, которые умеют не только работать, но и стрелять, самостоятельно принимать решения и выживать. А работников наберем, не переживай. Такое объяснение тебя устраивает?

– Вполне.

Наемник замолчал и снова вопрос задал Колыван:

– Когда мы должны выдвинуться?

– Завтра в полдень общий сбор с семьями и детьми. Здесь, у меня. Брать только близких. Лишние вещи бросить, новые добудем. Вылет в тот же день.

– Куда летим?

– В Нарьян-Мар.

– А дальше?

– Колыван, – Шарукан поймал взгляд своего наставника, – ты знаешь, что я тебя уважаю. Но координаты бункера сообщу только в воздухе.

– Перестраховываешься?

– Да.

– Что же, это твое право. Лично я тебе верю, тем более что сам про эпидемию уже кое-что слышал и ты не первый, кто предупреждает об опасности. Поэтому отправлюсь с тобой. Мне-то что? Я старый. Но у меня внуки. Ради них я обязан

жить.

– Это правильно.

Пауза. Все молчали, и наступила очередь Вагрина:

– Насколько велик бункер? Сколько людей примет?

– Сто двадцать человек смогут без особых проблем прожить три года.

– Серьезно. А как с припасами?

– Все есть. На пять лет.

– Одежда, снаряжение?

– Кое-какие запасы уже сделаны. Но сегодня и завтра закупим еще.

– Топливо?

– Есть.

– Связь?

– Имеется мощная радиостанция и соединение со спутником.

– Транспорт?

– Без проблем. Трактора, вездеходы и даже пара БТРов. А невдалеке ангар: там вертолет, а так же катер.

– Что за вертолет?

– МИ-8, гражданский. Ты ведь умеешь им управлять?

– Занимался в авиаклубе. А как с оружием?

– Договорено. Перед самым отлетом привезут сотню автоматов, карабины, СВД, гранаты, РПГ-7, РПО и мины.

– Откуда такое богатство, не скажешь?

– Пока нет.

– А по деньгам что? Может, нам сброситься в общую копилку?

Аскеров махнул рукой:

– Забей. Скоро деньги превратятся в пустые фантики, просто цветные бумажки.

– Ладно. От нас что-то требуется, дополнительно?

– Я уже сказал, что ничего. Главное – люди. Так что готовьтесь и собирайтесь.

Кивком обозначив, что все понял, Вагрин замолчал. Дальше Шарукану задавали вопросы другие участники собрания. Но он их не слушал, а размышлял.

Шарукан не врал. Он мог ошибаться или преувеличивать опасность грядущей катастрофы. Но Аскеров был уверен в том, о чем говорил, и Вагрин ему поверил.

В конце концов, он ничем не рисковал. Следовательно, мог позволить себе поездку на север. Будет эпидемия или нет, он в безопасности. А вернуться никогда не поздно. Поэтому предложение Аскерова нужно принимать.

Конечно, Вагрин индивидуалист и мог выбрать свою тропку. Шансы на выживание у него были выше среднего и можно залечь где-то в Подмосковье или дальше, выкопать блиндаж в укромном месте, сделать запасы и наблюдать за апокалипсисом со стороны. Или отправиться на Урал, пока самолеты летают, залечь в горах и пересидеть чуму. Но как долго он сможет выжить один? Месяц, два, три. Это без проблем. А дальше-то что? Наступит зима, и сидеть в дебрях одному

не интересно, скучно и опасно. Случись что, и помочь некому. А в бункере, если все сделано по уму, тепло, безопасно, сытно и есть с кем поговорить. Опять же бабу можно взять с собой, знакомых красоток хватает. Глядишь, ребенка родит. А еще есть племянник, которого бросать не хотелось, ведь это единственный родственник…

Тем временем обсуждение будущего побега из цивилизованного мира подошло к концу и Аскеров, повысив голос, спросил:

– Итак, кто со мной?

Отозвался Колыван:

– Ты мое слово слышал. Если есть список, пиши меня и двух мальчишек, десять и девять лет. Со мной еще воспитательница.

При этом он так усмехнулся, что всем стало ясно – воспитательница нужна старому авторитету не только для ухода за детьми. Но это его дело. Личное.

Следующим высказался Утес:

– Мы с Сержем принимаем предложение. Со мной брат, трое детей и две женщины. С Сержем жена, мать и две дочери.

За ними высказался Вепрь:

– Моя семья уже на базе. Кроме меня баба, сын и дочь.

Далее очередь Наемника:

– Я с вами. Буду один.

Потом слово сказала Аллочка Смирнова:

– Принимается. Я с матерью и отцом.

Тишина. Все посмотрели на доктора, и Арцыбашев покачал головой:

– Как хотите, а я останусь. Если эпидемия будет, врачи больше нужны здесь.

– Ильич, не дури! – Аскеров подскочил к нему и встряхнул доктора за плечи.

Арцыбашев высвободился из захвата и покачал головой:

– Нет.

– Это твое последнее слово?

– Последнее.

– Ну и дурак. Ты понимаешь, что второго такого шанса не будет?

– Понимаю. Но иначе поступить не могу. Вам-то что? Вы люди тревожные. Наверное, вам лучше на севере спрятаться, меньше крови прольется. А я не могу уехать. Просто не могу. Иначе меня совесть загрызет.

– При таком раскладе на сутки ты мой гость.

Доктор поморщился и согласился:

– Как скажешь.

«Молодец, доктор, – подумал Вагрин, глядя на Арцыбашева. – Пожалуй, он единственный, кто поступает не по здравому рассуждению, а по зову сердца. Жаль его, пропадет. Так всегда, идеалисты погибают первыми».

– Как знаешь, – Шарукан отступил от врача и спросил его: – Надеюсь, ты осознаешь, что лишнего болтать не надо?

По крайней мере, пока мы не покинем Москву.

– Не мальчик. Знаю, что бывает, когда язык развязывается.

– Вот и ладно, – тяжело вздохнув, Аскеров посмотрел на Вагрина: – Андрюха, а ты что скажешь?

– Я с вами. Буду с племянником и женщиной.

– Добро, – депутат еще раз оглядел соратников и сказал: – Что касается меня, со мной охранники и техники, а так же супруга, дети и родня. Больше тридцати человек. Это для начала. Потом еще поселенцев подвезем, коли понадобится. Я так думаю. А пока расклады такие. Встречаемся завтра в полдень. Про наши планы не болтать. Правительству, милиции и спецслужбам не до нас, но осторожность необходимо соблюдать. Вдруг появятся конкуренты, которым мой бункер тоже стал интересен.

2

Когда я вошел в казарму, то сразу столкнулся с недружелюбными взглядами двух сержантов-контрактников и понял, что сейчас меня начнут давить. В нашем взводе всего двадцать два человека. Из последнего пополнения, мой призыв, только трое, а остальные контрактники или прослужили год. Люди разные и есть костяк обнаглевших старослужащих. Вот и развели дедовщину при попустительстве командиров, которые больше времени проводили за пределами части, чем с солдатами.

Двоих парней из моего призыва сразу сломали, надавили психологически, толпой, и они прогнулись. Поэтому теперь они убирают туалеты, звонят домой, чтобы родные поскорее прислали посылку, и бегают для «стариков» и «контрабасов» за сигаретами. А со мной так не вышло. Я уперся и стоял на своем – приказы выполняю, а «просьбы друзей-сослуживцев» меня не касаются. Так что от меня отстали, и первые три недели я отслужил относительно неплохо. Здоровья хватало, в нарядах без залетов, спортивные нормативы сдавал – спасибо дядюшке, который заставлял меня заниматься рукопашным боем и ходить в стрелковый клуб, а потом гонял за курево и пиво. Но вчера сержанты Алиев и Макаркин, двадцатипятилетние любители покурить план, которые не нашли себя на гражданке, снова начали наседать,

и я ответил резко. Потом заступил в наряд по кухне, сутки отстоял и, ожидая неприятностей, вернулся в расположение.

«Что теперь будет? – стараясь выглядеть уверенно и спокойно, я подошел к своей койке и присел. – Наверняка, ничего хорошего ожидать не стоит».

Взгляд скользнул по моей тумбочке, которая была приоткрыта, и я в нее заглянул. Пусто. Внутри ничего. Ни вещей, ни зубной пасты, ни тетрадки с ручкой, ни иголки с ниткой, ни остальных мелочей, которые обязан иметь каждый солдат. Мне устроили мелкую пакость. Скорее всего, содержимое тумбочки выкинули в мусорку за казармой или поделили, и это только начало.

– Слышь, Ванятка, – рядом замерли Алиев и Макаркин, – подшиву свежую сделай.

На мою кровать упали два кителя, и я посмотрел на Магу Алиева, который это сказал и теперь нагло лыбился.

«Дегенераты, – подумал я, глядя на сержантов, и почувствовал, как в душе закипает злоба. – У одного волосы начинают расти от бровей, не иначе, кровосмешение. У другого морда неровная, родители алкаши. И эти мрази будут мной помыкать? А хрен вы угадали!»

Я стал впадать в бешенство, есть у нас такая семейная черта, и левой рукой отшвырнул униформу сержантов. После чего два кителя, совершив небольшой полет, упали на пол, под ноги Алиева и Макаркина.

Они ошалели, ибо ничего подобного от «духа», который

прослужил всего ничего, не ожидали. Но вскоре оклемались и Макаркин закричал:

– Сука! Убью!

Что характерно для этого шакала, он первым в драку не полез, а предоставил эту «честь» Алиеву, который шагнул в проход между койками и попытался схватить меня за шею. При этом он что-то рычал на своем родном языке, и казался очень страшным.

«Вы сами напросились», – промелькнула мысль, и я выхватил из кармана заранее припасенный большой металлический болт, который подобрал рядом с автопарком. Он отлично лег в ладонь, пальцы сомкнулись, и я ударил сержанта в живот.

– А-а-а!!! – завопил Алиев и стал сгибаться.

Оттолкнув его плечом, я поднялся и нанес еще один удар, металлической основой болта сверху вниз по спине противника. Хотел вмазать по позвоночнику, но попал в бок.

Раздался хруст. Скорее всего, я сломал Алиеву ребро, возможно, не одно, и двинулся на Макаркина.

Второй противник растерялся. На полуслове оборвал ругательство и замер с открытым ртом, а я действовал на инстинктах, не размышляя о последствиях, и врезал кулаком по лицу.

Болт по-прежнему был зажат в руке, и металлическая кромка славно прошлась по зубам «контрабаса».

Снова хруст, а еще зубовный скрежет. И, потеряв несколь-

ко зубов, которые разлетелись по казарме, Макаркин рухнул на колени и зажал окровавленное лицо ладонями.

Разворот. Несмотря на сломанные ребра, Алиев пытался подняться, но не успел. Мой ботинок соприкоснулся с его подбородком, и он опять упал.

«Остановись!» – я отдал себе команду и замер.

Сделал это очень вовремя. Еще бы немного и я стал бы добивать противников. После чего от них осталась бы груда мяса и поломанных костей.

Чтобы окончательно успокоиться, мне понадобилось около минуты и все это время мои сослуживцы, которые присутствовали в расположении и наблюдали за дракой, сидели тише воды и ниже травы. Причем ни один не посмел посмотреть мне в глаза.

– Слабовольные скоты, – пробурчал я себе под нос. – Стадо баранов.

Плюнув в Макаркина, который продолжал стоять на коленях, я вышел из казармы и присел в беседке. После чего меня стал колотить озноб. Пошли отходняки.

Впрочем, они были недолгими. Вскоре я окончательно пришел в норму и, наблюдая за тем, как сослуживцы помогают сержантам добраться до санчасти, задумался.

Итак, что мы имеем?

Молодой солдат Иван Александрович Вагрин избил двух сержантов-контрактников и это ЧП.

Что дальше? Вариантов немного.

Первый самый простой. Командование постарается замять дело на уровне батальона. Алиев и Макаркин станут числиться получившими легкие травмы во время несения службы, а затем спокойно, тихо и мирно, разорвут контракты и отправятся домой. Один в горный дагестанский аул. Другой в городские трущобы средней полосы России. Или, при самом благоприятном развитии событий, после отпуска они переведутся в другую часть. Разумеется, если договорятся с комбатом.

Второй путь трудный, ни разу не веселый и печальный для всех, кого он коснется. Делу дадут ход и понеслось. Военная прокуратура. Сбор свидетельских показаний. Огласка в СМИ. Борьба с проявлениями дедовщины и многочисленные проверки, которые выявят кучу нарушений. С кого-то снимут звездочку на погонах или сами погоны. А сержантов могут посадить. Или не посадить, если крайним решат сделать меня. Мол, я неадекватный психопат. Тем более что я физически не пострадал. Но тогда, конечно же, подключится дядька Андрей, и я все равно выйду сухим из воды.

В общем, расклады примерно такие и у меня в голове сформировалась мысль, которая не давала мне покоя последние дни:

«Какого, спрашивается, я вообще отправился служить?»

Понятное дело – перед глазами всегда пример дядьки, здорового и сильного человека, который успел повоевать. А еще память об отце, кадровом офицере, который погиб на

Кавказе во Вторую Чеченскую. Потому и решил отдать долг родине, как патриот и гражданин. Дядька хотел меня в МГУ пристроить, а я сам пошел в военкомат и попросился в спецназ, разведку или ВДВ. Но вместо этого, как мне думается, с подачи дядьки Андрея, оказался в Подмосковье, в «придворной» мотострелковой части…

Прерывая мои размышления, появился взводный, лейтенант Романюк, который вбежал в беседку и завопил:

– Встать! Смирно!

Я спорить не стал. Встал и вытянул руки по швам.

– За мной! Объяснительную писать!

Широким шагом лейтенант направился в штаб роты, и я двинулся за ним.

3

Гости Аскерова разошлись, и во дворе Андрей Иванович Вагрин перекинулся парой слов с Наемником. Они еще раз обсудили ситуацию, а затем расстались, и каждый отправился по своим делам. Что характерно, действовали они спокойно, и никто не показывал слабости. Сказать нечего, сильную команду сколотил Шарукан. Что есть, то есть. Подбирать людей он умел.

Спустя десять минут Вагрин возвращался в Москву. В радиоприемнике тихо играла музыка, а он размышлял о приходе апокалипсиса и мысли его текли легко, ровно и плавно. Волнения не было и, представив себе, что начнется в столице через пару дней, он даже улыбнулся.

Обыватели всю жизнь пахали, трудились и тянули в свои пещеры (квартиры или дома) накопленное барахло. Они брали и отдавали кредиты, стремились улучшить быт и материальное благосостояние. Хвалились друг перед другом успехами, поездками на море и заграничные курорты, сумками от брендовых производителей, нарядами, костюмами и машинами. Все как всегда. И вот наступает час испытаний. Надвигается болезнь, от которой нет спасения, и она не станет разбирать, кто злодей, а кто праведник. Повезет – иммунитет выдержит удар. Не повезет – мучительная смерть. Игра с минимальными шансами на выигрыш, и Вагрин никого не

жалел.

Почему так? Наверное, по той простой причине, что в жизни он видел мало добра и рано стал циником. Поэтому не верил в любовь и сторонился тех, кто предлагал ему дружбу. Всегда был одиночкой, не признавал авторитетов и редко совершал поступки, которые не приносили никакой выгоды. Хотя такое случалось, ибо все мы люди и человеки, а значит ничто человеческое нам не чуждо. Особенно если вопрос касался кровной родни. И пока его ровесники горбатились на чужого дядю, женились и обзаводились семьями, он двигался в стороне от общих троп, брал, что хотел, и платил за секс наличкой. Так что терять ему было нечего, ведь он практически ничем не дорожил. Квартира? Пропади она пропадом. Машина? Плевать, если понадобится, добудет новую, купит или отнимет у слабого. Вещи? Голым человек приходит в мир и голым из него уйдет. Деньги? Есть пятьдесят тысяч долларов, но Шарукан прав – скоро они потеряют свою цену. Как золото и драгоценные камни. Поэтому свой путь Андрей Иванович видел достаточно четко. Никого постороннего предупреждать о надвигающейся болезни не надо и вещей с собой брать следует немного: сумка с одеждой, еще одна со снаряжением, немного денег на первое время и оружие. Шарукан хоть и говорил, что стволы будут, но лучше перестраховаться. Значит, придется заехать на съемную квартиру, где у Вагрина был собран неплохой арсенал.

А теперь, что касательно спутников. Вагрин остановился

возле знакомого придорожного кафе и вышел. Оказался на свежем воздухе, присел за столик под тентом и заказал кофе с пончиками. После чего, пока официантка, смуглая азиатка, бегала на кухню, он пролистнул записную книжку телефона.

– Наташа, – задумчиво почесав кончик носа, произнес он, вспомнил, кто она такая и набрал номер.

– Слушаю, – в трубке мелодичный женский голос.

– Привет, лапочка, – сказал Андрей Иванович.

– Здравствуй, – краткая пауза и продолжение: – Ты давно не звонил.

– Бизнес, – Вагрин усмехнулся и спросил: – Что сегодня и завтра делаешь?

Опять пауза и ответ:

– Ты извини… У меня сейчас другой мужчина… Не звони больше… Пожалуйста, оставь меня в покое… Я больше не работаю…

– Понятно.

Вагрин без всякого сожаления отключился и двинулся дальше по записной книжке. А тем временем принесли его заказ и он, прихлебывая маленькими глотками кофе, набрал следующий номер.

– Алле… – в динамике голос слегка выпившей развязной девицы.

– Анжела?

– Вы ошиблись!

Голос девицы стал трезвее и Анжела отключилась.

– Понятно, – опять повторил Вагрин и, усмехнувшись, набрал третий номер, по которому ему никогда не отказывали.

– Андрей Иванович? – в голосе девушки ему почудилась надежда, что звонит именно он.

– Да, – ответил он.

– Вам что-то нужно?

– Мне нужна ты.

– Я должна подъехать?

– Сам подъеду.

– Сейчас?

– Завтра утром. Возьми вещей с расчетом на три-четыре дня. Сама понимаешь, что нужно. Не маленькая. Но много барахла не бери.

– Мы куда-то поедем?

– К морю.

– Буду ждать.

– До встречи.

Закончив разговор, Вагрин приступил к поеданию горячих пончиков, которые любил с детства. А когда он закончил, обтер жирные руки, допил кофе и сделал новый звонок, начштаба батальона, в котором служил его племянник.

Офицер ответил сразу:

– Господин Вагрин?

– Он самый.

– А я как раз хотел вам звонить.

– Что-то случилось?

– Дело серьезное. Ваш родственник сильно избил двух сослуживцев.

– Крепко их поколотил?

– Одному пять зубов выбил, а второму сломал челюсть и два ребра.

– Кто они?

– Сержанты-контрактники.

Майор Лабазин, который устроил Ивана Вагрина служить в подмосковный батальон и планировал со временем пристроить молодого бойца при штабе, ожидал, что Андрей Иванович начнет нервничать и сразу предложит ему денег. Однако реакция Вагрина-старшего его удивила. Он рассмеялся, весело и беззаботно, потому что племянник снова напомнил ему самого себя в далекой юности. Хотя денег майору он предложил.

– Я хочу забрать племянника. На один день.

– Это невозможно. Андрей Иванович, вы понимаете, что он натворил?

– Понимаю. Сколько?

– Что значит, сколько? – майор включил дурака.

– Сколько денег ты хочешь, чтобы через час Ванька вместе со мной уехал в Москву.

– Я не понимаю вас…

– Короче, – Андрей Иванович оборвал майора, – если тебе деньги не нужны, так и скажи. Тогда я позвоню комбату, он от вечнозеленых баксов не откажется. А еще могу набрать

начштаба полка или комполка. Так что не юли. Спрашиваю еще раз – сколько?

Лабазин немного помолчал и ответил:

– Десять тысяч… Это за все… Дело замнем и ваш племянник может в ближайшие месяцы вообще в части не появляться…

Такая сумма при себе у Вагрина-старшего была и он сказал:

– Принимается. Через сорок минут я буду возле КПП батальона. Выводи Ивана, расчет на месте.

– Приятно иметь с вами дело, – несколько заискивающе произнес майор.

Вагрин отключился и пробурчал под нос:

– А мне с тобой даже по телефону разговаривать неприятно… Крыса…

Расплатившись за кофе и пончики, Андрей Иванович вернулся в машину и отправился вытаскивать племянника, которому сегодня предстояло узнать о своем единственном родственнике много нового.

4

Командир взвода привел меня в штаб, и я рассказал ему, из-за чего началась драка. Потом снова разговор, поскольку появился ротный. А затем еще один, на этот раз с начальником штаба батальона. По третьему разу я объяснял, что произошло в казарме, а потом начал писать объяснительную. В меру сил все изложил и передал бумагу майору Лабазину. После чего он приказал следовать за ним, мы вышли за ворота части и здесь я увидел дядьку Андрея.

– Садись в машину, – бросил родственник и я подчинился.

Бросил взгляд в окно. И что же я увидел? Спокойно, словно так и надо, с улыбочкой, дядька Андрей передал Лабазину пухлый конверт, в котором, наверняка, были деньги, и сел за руль.

– Поехали? – он покосился на меня.

Мой ответ был очевиден:

– Поехали.

Машина выбралась на трассу, мы свернули к Москве и я спросил дядьку:

– Ты меня откупил?

– Да.

– Сколько отдал.

– Мелочь, – он поморщился.

– И все-таки?

– Десятку.
– Долларами?
– Ну не рублями же.
– Я отработаю и отдам.
– Дурак что ли? Мы с тобой одной крови. Так что забудь.
– Зря ты в это дело вмешался. Мне бы ничего не было.
– Знаю.
– Тогда зачем эта суета?
– Ты мне нужен.
– Серьезно?
– Более чем.
– Объяснишь, в чем дело?
– Обязательно. Самое время поговорить открыто.

Голос Андрея Ивановича был серьезен и я невольно напрягся. Приготовился услышать что-то по-настоящему важное и услышал, потому что родственник, в самом деле, был предельно откровенен.

Начиная с шестнадцати лет, после смерти матери, которая последние годы тосковала по отцу и тяжело болела, я жил один. Но дядька Андрей постоянно находился неподалеку, и я чувствовал его поддержку. Поэтому старался на него походить: поступками, словами, делами и даже походкой, неспешной и уверенной. Однако чем он занимается, я не знал. Вроде бы бизнесмен. Но когда я спрашивал, в чем его бизнес, Андрей Иванович отшучивался. А теперь выясняется, что он «консультант по вопросам безопасности» у круто-

го бизнесмена и депутата Аскерова. Но это маска и прикрытие, а на деле он бандит и убийца.

Надо сразу сказать, что меня это не расстроило и даже не смутило. Во-первых, Андрей Иванович единственный близкий человек, а родственник в глазах другого родича не может быть плохим. По крайней мере, для меня. Всегда есть какие-то внутренние трения и проблемы. Но это остается в семье, а против внешнего мира родичи должны выступать единым фронтом, ибо таков закон природы – своя стая важнее любых законов. А во-вторых, благодаря кинофильмам и тому, что происходило в обществе последние десятилетия, образ преступника уже не казался ужасным. И на фоне вороватых чиновников, наглых олигархов и оборотней в погонах, порой, они выглядели гораздо привлекательней. Да и какие сейчас преступники? Все относительно. Вчера спортсмен, сегодня бандит и криминальный авторитет, а завтра уже депутат с красной корочкой и под охраной полиции. Так что мое отношение к Андрею Ивановичу не изменилось.

Впрочем, краткая история его жизни была предисловием, а главная тема шла в конце. Вот-вот из-за вируса-модификанта мир погрузится в хаос, и дядька получил приглашение пересидеть смутное время в глубоком комфортабельном бункере. А поскольку есть запасные места, он берет с собой меня и свою любовницу Машу. Хотя, правильней будет сказать, что она его рабыня. Несколько лет назад он откупил ее от очень серьезных проблем и с тех пор девушка всегда, ко-

гда Андрей Иванович пожелает, рядом.

В общем, такие вот дела и мои армейские проблемы на фоне того, что скоро накроет мир людей, мелочь. Поэтому понятно, что на службу я уже не вернусь. Даже если вирус не убьет девяносто пять процентов населения Земли, как предсказывают аналитики на службе государства, цивилизация упадет на колени, и долгое время никому не будет интересно, куда подевался рядовой Иван Вагрин.

– Что скажешь, племяш? – завершая свой рассказ, спросил родственник.

– Я с тобой.

– Вот и отлично. Сейчас заедем в одно место, подберешь себе кое-что.

– В смысле «кое-что»?

– Увидишь.

Мы замолчали, и каждый думал о своем. А спустя полчаса въехали в столицу, немного покатались по окраинам и остановились возле старой пятиэтажки.

Вышли. Поднялись на третий этаж, и Андрей Иванович открыл дверь квартиры своим ключом. Прошли внутрь и ничего интересного я не обнаружил. Старая мебель. Древний ламповый телевизор и не менее древний холодильник. Запах нежилой. Кругом пыль и заметно, что здесь давно никого не было.

Однако дядька привычными движениями легко разобрал большой тяжелый шкаф, и я увидел, что он имеет двойное

дно. Это был схрон Андрея Ивановича и в нем обнаружились боевые стволы, боеприпасы, взрывчатка, деньги и пакет с документами.

– Выбирай, что нравится, – сказал родственник и начал выкладывать на продавленную кровать стволы.

Я наблюдал за ним и одновременно с этим выбирал оружие по душе.

Есть два «стечкиных» и к каждому глушитель, несколько магазинов и приклад-кобура. Так же два «макаровых», один ТТ, автоматы АКМС и АКСУ, разобранная винтовка СВД, а так же непонятно как оказавшийся у Андрея Ивановича новенький спецназовский ВСС. Плюс к этому несколько гранат Ф-1, пара РГД-5 и три РГН. А так же пачки и цинки патронов, брикеты тротила и детонаторы.

Выбор не особо велик, но глаза разбегались и, заметив, что дядька взял себе «стечкина», я тоже решил взять этот пистолет, а так же ВСС и три гранаты.

– Губа не дура, – ухмыльнулся дядька, посмотрев на «винторез». – Только лучше тебе взять АКС.

– А можно три ствола?

– Конечно.

Я улыбнулся и забрал АКС. После чего мы стали собираться. Помимо пистолета родственник прихватил АКМС и оставшиеся гранаты. А остальное, что не поместилось в объемную сумку, он спрятал обратно в тайник и собрал шкаф.

– Все? – взгляд Андрея Ивановича скользнул по квартире.

– Рюкзак нужен, – сказал я. – А еще разгрузки, наколенники, налокотники, радиостанции и, может быть, бронежилеты с касками. Мы, конечно, не на войну собираемся. Но все может быть, и времена грядут смутные.

– А-а-а… – он махнул рукой. – Все это у меня дома имеется, в двойном комплекте. Так что не переживай, подберем, что нужно. А если чего не хватит, ночью будет время подумать, и утром заедем в хороший магазин.

С моей стороны кивок. Дядька человек опытный. Значит, он ведущий, а я ведомый.

Мы покинули квартиру, оказались во дворе и Андрей Иванович, посмотрев на солнце, сказал:

– Дело к вечеру, а у меня дома кроме чая, кофе и печенья ничего нет. Заедем в ресторан поужинать?

В животе заурчало, и я спросил:

– А нас пустят?

На мне грязный камуфляж с пятнышками крови на рукавах, а дядька в мятом светлом костюме. Видок так себе, не презентабельный. Однако он усмехнулся и ответил:

– Со мной пустят. Поехали.

Следующая остановка через сорок минут возле солидного ресторана рядом с домом родственника. Охранники, которые знали Андрея Ивановича, молча, пропустили нас внутрь заведения, и мы присели за столик. После чего сделали заказ: борщ, жареное мясо, соусы, салаты и соки. На стол накрыли быстро и, поглощая кусочки нежнейшей свинины, которая

буквально таяла во рту, я позабыл обо всем. Но родственник напомнил о том, что скоро случится.

– Ванька, – отодвигая пустую тарелку, позвал он.

– Чего? – я посмотрел на него.

– Только представь себе – это ведь последний спокойный вечер и, возможно, больше мы никогда не окажемся в ресторане. А потом все закончится. На улицах трупы, переполненные морги и больницы, безнадега и никакой надежды на спасение. Что станет с людьми? Они озвереют и станут подобны животным. Одни – мясо. Другие – хищники.

На миг я перестал жевать и посмотрел в зал. Солидные люди и красивые женщины кушали, пили вино и вели неспешные разговоры. Но скоро все это накроется пи…ой и они, словно крысы с тонущего корабля, побегут из столицы. А мы в это самое время будем далеко и станем наблюдать за ними через телевизор или интернет.

Представив себе нарисованную дядькой страшную картину, я слегка вздрогнул. По коже побежали мурашки, а короткие волосы на затылке зашевелились. Родственнику, который помрачнел, судя по всему, тоже стало не по себе.

Я встряхнул головой, прогнал видение и промолчал. Снова уткнулся в тарелку и уже без всякого аппетита стал доедать мясо.

Короче говоря, настроение себе и мне дядька подпортил. Но в целом вечер прошел плодотворно. После плотного ужина мы приехали к Андрею Ивановичу и стали готовиться к

походу. То есть чистили оружие, подгоняли разгрузки и составляли список того, чего нам не хватает.

5

На Москву опустилась ночь и столица затихла. Все нормальные люди заснули, но генерал-майор Валерий Аркадьевич Голиков не спал. Он уже был в курсе того, что правительство покидает столицу, а вслед за президентом и министрами готовятся к отъезду люди рангом пониже. Драгоценное время уходило и генерал ФСБ, подтянутый брюнет в строгом мундире, нервными шагами ходил по кабинету и ждал звонка от своего подчиненного. В отличие от большинства коллег, которые были намерены и дальше оставаться в системе, дабы выполнять приказы, он решил соскочить. К чертям собачьим службу государеву! Хватит! Надо подумать о себе и найти безопасное место, о котором никто не будет знать.

Варианты у генерала имелись. Но только что подвернулся еще один, более интересный, и Голиков нервничал. Ему не хотелось прятаться в пещерах Урала, на безлюдных северных островах или в заброшенном подмосковном подвале, который требовал ремонта. Ведь он, как и многие люди его уровня, уже привык к комфорту. Поэтому, узнав о бункере депутата Аскерова, который несколько лет назад находился у него в разработке, Голиков сразу понял – это именно то, что нужно. Правда, до сих пор точно неизвестно, где бункер находится. Но разве это проблема для настоящего генерала? Конечно же, нет. Достаточно отдать приказ, и подчиненные

добудут необходимую информацию.

На мгновение, остановившись, Голиков покосился на портрет президента, который висел на стене, и ему показалось, что глаза первого человека в государстве наблюдают за ним.

«Нервы лечить надо, а то мерещится всякая чепуха», – генерал встряхнул головой, а затем подмигнул Верховному Главнокомандующему, усмехнулся и посмотрел на телефон.

– Где этот Иваньков? – сам себе под нос пробурчал он. – Совсем мышей не ловит…

Генерал отвернулся и хотел подойти к окну, но именно в этот момент, наконец-то, затрезвонил телефон.

– Голиков на проводе, – поднимая трубку, сказал генерал.

Ему ответил полковник Иваньков, личный порученец:

– Валерий Аркадьевич, есть результат. Я узнал координаты бункера, который Аскеров у военных выкупил.

– Ну и где он?

– Как вы и сказали, в Ненецком Автономном округе. Северная часть Тиманского кряжа. Есть точные координаты и даже схемы бункера. Разумеется, старые, что успели построить вояки.

Генерал задумался. Быть или не быть? Вот в чем вопрос. Все как у принца датского Гамлета. С той лишь существенной разницей, что иноземного аристократа волновали вопросы совести и чести, а генерала более приземленные и вполне конкретные вещи. Решаться на операцию по уничто-

жению Аскерова и его группировки или лучше договориться с ним, провести своих людей в бункер и уже на месте зачистить тех, кто опасен? Как необходимо поступить? Вопросы более чем серьезные…

– Товарищ генерал… Валерий Аркадьевич…

Голос Иванькова вернул Голикова в реальность, и он ответил:

– Да. Я слушаю.

– Так чего делать будем? Жду приказаний.

– Ибрагимов далеко от тебя?

– Рядом.

– Возьми все материалы по бункеру и группировке Аскерова. Потом ко мне. Оба. Спецназу готовность номер один.

– Слушаюсь.

Иваньков отключился и генерал, положив трубку, потер ладони и сказал:

– В конце концов, живем один раз и концы надо обрубать сразу.

С этого момента участь Аскерова и близких к нему людей, по мнению генерала, была предрешена. И единственное, чего он опасался, что вертикаль власти устоит и, когда настанет срок держать ответ за все содеянное, его объявят дезертиром. Однако, вспомнив своих начальников, в большинстве самых обычных карьеристов и приспособленцев, он прогнал эту мысль прочь и подумал:

«Нет, система не устоит. Слишком она аморфна и вскоре

начнется такой бардак, что всем будет не до меня. А если случится чудо, и я окажусь не прав, всегда есть вариант договориться с тем, кто прижал тебя к стене и держит за яйца. Раньше получалось выкрутиться и теперь получится. Только бы Аскеров в одиночку не сбежал и не раздробил свою группу. Если брать его и братков, то всех разом. Нанести один удар и прихлопнуть».

6

Мы с дядькой проснулись одновременно, ровно в 6.00. Особо не разговаривали – все обговорили вчера. Привели себя в порядок, и выпили кофе. После чего еще раз перетряхнули рюкзаки и сумки, а затем спустились вниз, погрузились в машину и добрались до ближайшего крупного магазина, который торговал спортивным инвентарем и туристическим снаряжением.

Андрей Иванович велел не задерживаться и денег не жалеть. Следовало поторапливаться, и я не тормозил. Пробежал с тележкой вдоль прилавков и сбросил в нее все, что казалось мне нужным. Спортивный костюм – пригодится. Котелок, кружка и отличный многофункциональный швейцарский нож – понадобятся. Десантный рюкзак – дайте два, мне и дядьке. Складная саперная лопатка – нужная вещь. Фонарик и батарейки – в бункере жить собираемся, а там может отключиться электричество. Прибор ночного видения Dedal 490 DK3 с электронно-оптическим преобразователем поколения XR-5 DEP – беру. Отличный бинокль – надо брать, пока есть такая возможность. Аптечка – снова дайте две. Ботинки моего размера – запас нужен. Камуфляжная куртка и зимний маскхалат – тоже в тележку.

В общем, я скупился хорошо, почти на восемьсот тысяч рублей. Сумма приличная, но это уже не важно. И пока я бе-

гал по магазину с тележкой Андрей Иванович приобрел две наплечных кобуры, тактические перчатки, упаковку носков, репелленты от комаров, наборы для рыбной ловли и пару автоматных ремней. Тоже пригодится. А помимо того он взял пару женских туристических костюмов, то есть про любовницу не забыл.

Магазин покинули с улыбкой, ибо затарились неплохо и настроение, несмотря ни на что, было неплохим. А на выходе дядька остановился, потому что увидел знакомого, который грузил в новенький «джип» гору военного снаряжения, и позвал его.

– Коля! – голос Андрея Ивановича разнесся по стоянке и человек, к которому он обращался, здоровый шатен, вздрогнул и резко обернулся. При этом его правая ладонь метнулась под пиджак.

Впрочем, он сразу успокоился, узнал дядьку и подошел.

– Привет, – улыбаясь, сказал он и кивнул на меня: – Сын?

– Привет, – дядька пожал ему руку и подтолкнул меня к машине: – Это племянник.

Я не ушел, как хотел Андрей Иванович, а замер в паре шагов и прислушался к беседе.

– Ты уже в курсе, что грядет? – Андрей Иванович кивнул в сторону «джипа».

– Так же как и ты, – отозвался его знакомый, окинув цепким взглядом наши набитые товарами РД и свертки.

– Далеко собрался?

– Не могу сказать, – Коля покачал головой и добавил: – Извини, Иваныч, не моя тайна.

– А может, координаты оставишь? Все-таки мы с тобой не первый год знакомы, майор. Глядишь, еще пригодимся друг другу.

Шатен, который, как только что выяснилось, оказался офицером, немного подумал и протянул дядьке визитку:

– По этому номеру несколько дней, а на обороте радиочастота – она будет прослушиваться нашими людьми. Ничего не обещаю. Но если смогу, помогу. А у тебя номер прежний?

– Да. Если что, ты тоже обращайся. Земля она круглая.

– Мы поняли друг друга.

Они обменялись рукопожатиями и расстались.

Я дядьку ни о чем не спрашивал. Будет нужно, сам скажет, с кем мы пересеклись. Однако он промолчал и вскоре, как и собирались, мы подъехали к дому Маши, которая уже была готова к путешествию. Как она считала, недолгому, на курорт, к теплым морям. Однако, насколько я понимал ситуацию, если море и будет, то совсем не теплое и уезжаем мы минимум на год, но, скорее всего, на гораздо больший срок.

– Здравствуйте, – Маша подошла к машине и мило улыбнулась.

– Садись, – Андрей Иванович не посчитал нужным хоть как-то ее поприветствовать и кивнул назад.

Девушка, которую я до этого момента видел три раза, закинула на заднее сиденье сумку и разместилась сама. А я

бросил на нее взгляд и подумал о том, что она очень красивая. Так сказать, констатировал факт, ибо это правда. Брюнетка с большими глазами и немного наивным взглядом, стройная и женственная. Что еще старшему родственнику надо? Не понимаю. Ему сорок лет. Как раз сегодня юбилей. А девушке двадцать четыре, и если он предложит выйти за него замуж, Маша согласится без долгих раздумий. И дело даже не в том, что она ему по гроб жизни обязана. Нет. Я замечал, как она на него смотрит и понимал, что девушка дядьку, действительно, любит. Впрочем, может быть, я ошибался. Какие мои годы? Опыта в общении с противоположным полом немного, были случайные связи с одноклассницами, но и только. Поэтому многое понимал неправильно и фальшивую улыбку мог принять за настоящую.

Тем временем, молча, Андрей Иванович тронулся с места. Наше путешествие продолжалось, и Москву мы покинули без проблем, хотя на выезде из столицы обнаружили усиленные посты вооруженных полицейских. Я даже напрягся, как бы нас не спеленали, ведь в багажнике оружие. Однако блюстители закона тормозили и досматривали автомобили, которые въезжали в Москву, а мы ее покидали. Так что проскочили.

Загородный дом Шарукана, о котором дядька много рассказывал, когда мы добрались до места, был похож на разворошенный муравейник. Рядом два десятка легковых автомобилей, в основном дорогих иномарок, пара автобусов, три

фургона и несколько мотоциклов. И рядом крутились люди, которых оказалось гораздо больше, чем планировалось изначально. Опять же, со слов Андрея Ивановича. А соседи Аскерова, тоже не бедные люди, наверняка, были в недоумении – я заметил, что за нами наблюдают из окон. Они не понимали, что происходит, и это логично, поскольку не всех допустили к тайне о грядущей катастрофе и о ней эти люди узнают только завтра. Вместе со всей страной.

Машу оставили в машине, а сами прошли на территорию, где назвали свои фамилии мужичку, который составлял списки. После чего направились к хозяину дома и Аскеров, как это ни странно, был совершенно спокоен. Он находился во дворе дома, возле мангала, и вместе с друзьями, которым убить человека раз плюнуть, делал шашлыки. Вот такой матерый мужчина. Тут апокалипсис намечается, и Аскеров сорвал с места кучу серьезных людей. Кто-то грузит в фургоны вещи, рядом ругаются женщины, и плачет ребенок. Шум, гам, сутолока, неразбериха, суета. А Шарукан сосредоточился на шашлыках и делал вид, что все происходящее его не касалось. Понимайте это как угодно. То ли он слишком в себе уверен, то ли ему на все плевать, то ли он дурак. Пока непонятно. По крайней мере, мне.

– Привет, – дядька присел на бревно рядом с мангалом и вопросительно кивнул хозяину: – Когда мясо будет готово?

– Еще пара минут и можно снимать.

– А винцом угостишь?

– Обязательно.

– Это хорошо, – Андрей Иванович кивнул в мою сторону. – Знакомься, племянник мой, Иваном зовут.

Взгляд Аскерова задержался на мне, и он подмигнул:

– Здорово, воин.

– Здравствуйте, – отозвался я.

– Иди, погуляй. Нам поговорить нужно.

Взгляд на родича. Он подтвердил приказ Шарукана, и я начал прогулку по особняку. Думал, может, ровесников встречу. Но нет – в основном малые дети или взрослые люди. Поговорить не с кем, все при деле. А поскольку толкаться и мешать грузчикам не хотелось, я вернулся в машину и попробовал разговорить красотку Машу.

7

Возле мангала остались только «старые гвардейцы» Шарукана. Самые преданные и неоднократно проверенные товарищи, друзья, партнеры и подельники. Никто не опоздал. Все здесь и намечался серьезный разговор, который должен был прояснить дальнейшие действия группировки. Однако Аскеров продолжал переворачивать шампуры и Андрей Иванович, закрыв глаза, ладонями оперся на покрытую травкой землю и поднял голову. Лето. Тепло. Воздух чистый. Благодать.

– За что ценю тебя, Вага, так это за непробиваемое спокойствие, – обращаясь к Андрею Ивановичу, сказал Шарукан. – Все, кто уже приехал, сразу налетели с кучей вопросов. А ты не такой.

– А чего суетиться? – отозвался Вагрин. – Ты здесь. Команда в сборе. Движение идет. Погрузку вещей видел. Охрана обстановку контролирует. Значит, все в силе. Разве я не прав?

– Прав. Но тебе ведь интересно, когда выдвигаемся?

– Да. Хотелось бы это знать.

Шарукан сделал знак приблизиться остальным «компаньонам» и когда они подтянулись, дал более подробный расклад:

– Братва, все здесь, повторяться не нужно. Так что слу-

шайте. Выезжаем через полтора часа. Сейчас мои ребята загрузят, что нужно, и поедем на частный аэродром. Дальше самолетом. На аэродроме нас ждет-дожидается Ту-134Б вместимостью восемьдесят пассажиров. Садимся и улетаем. Одна посадка в Сыктывкаре. Следующая остановка – Нарьян-Мар. И уже оттуда вертушками до конечной.

На Аскерова посыпались уточняющие вопросы. В основном мелочевка, ибо основное сказано, и он, махнув рукой, остановил словесный поток:

– Ша, братва! Все разъяснится походу дела. Это я вам говорю. Машины бросаем, мои ребята доставят их, куда и кому нужно. Если в этом есть какой-то смысл. Аэродром в семидесяти километрах, добираться будем по грунтовкам, окольными путями. На месте окажемся через час. Проверка исключена, обо всем договорено и все оплачено. Поэтому, кто менжуется, может доставать стволы и прятаться не стоит. Наглеть и стрелять из окон в случайных людей не надо – это глупо. Но полицию можно уже не опасаться, служак из области в столицу стягивают. Оружие, о котором я говорил вчера, уже летит на точку, отправил заранее. Все мобильники перед выездом отключить и сдать. Это на совести каждого. Они поедут отдельно от нас. Чего не ясно?

Братва замолчала, даже старый Колыван подчинился, и Шарукан стал снимать с мангала мясо.

Первая порция досталась Вагрину и он подошел к столу, на котором нашлись соусы, приправы и хлеб. А затем появи-

лась жена Шарукана, симпатичная смуглянка Вера, верная женщина, влюбленная в своего мужа и прощающая ему все измены. Она принесла чистые тарелки и три бутылки красного вина. Намечалась отвальная гулянка, и все было как обычно. Серж и Утес вместе. Вепрь и Наемник одиночки. Аллочка Смирнова с каким-то молодым человеком, как выяснилось, новым медиком вместо Арцыбашева, которого выпустят из подвала ближе к вечеру. А Миша Колыван за спиной Шарукана.

Шашлык удался, вино было превосходным и, несмотря на серьезность момента, авторитеты расслабились. Было много шуток и смеха, а попутно обсуждались новости. Что характерно, жен, родственников, детей и любовниц за этот стол не пригласили. Они терпеливо ждали отмашку и она поступила.

Через один час пятнадцать минут, после объяснений, куда именно нужно ехать, Шарукан отдал приказ выдвигаться. «Гвардейцы» разошлись и Вагрин, подойдя к машине, обнаружил, что племянник и любовница, обсуждая какую-то новомодную кинопремьеру, улыбаются и ведут себя непринужденно. Однако, увидев его, они замолчали, и Андрей Иванович поманил пальцем Ивана.

Племянник вышел и он сказал:

– Сейчас выезжаем, надо приготовить оружие.

– Проблемы? – спросил Иван.

– Перестраховываемся. Мало ли что в дороге может случиться.

– Понял.

Вагрины открыли багажник и достали стволы. Старший накинул на плечи кобуру и пристроил в нее пистолет. Младший надел разгрузку и вооружился автоматом, а затем набил карманы снаряженными магазинами и гранатами. Возле других автомобилей происходило то же самое. У кого помповое ружье или «сайга», а у некоторых иностранные «беретты» и новейшие автоматы. И дело даже не в том, что «гвардейцы» кого-то опасались. Просто оружие в руках любого нормального мужчины не только инструмент убийства, но и символ его положения, статуса и уверенности.

Маша, наблюдавшая за действиями Вагриных, которые сдали телефоны охраннику Аскерова, не понимала, что происходит. Поэтому, совершенно естественно, вид оружия заставил ее нервничать, и девушка хотела спросить Андрея Ивановича, в чем дело. Но она не решилась и промолчала. А затем под наблюдением удивленных соседей машины выстроились в колонну и покинули элитный поселок.

Десяток автомобилей выехал на грунтовую дорогу и стал быстро удаляться от столицы. Вокруг мирные пейзажи: лес, домики, мостки и речушки. Автоколонна уверенно приближалась к частному аэродрому, и поводов для беспокойства не было. Совсем. Никаких. Однако Андрей Иванович занервничал. Шестое чувство прошептало ему – «Опасность рядом!» А поскольку он привык доверять своему чутью, то слегка сбавил скорость и пропустил вперед пару машин.

Взгляд старшего Вагрина скользил по кустам и деревьям вдоль обочины. Он надеялся увидеть, откуда ему угрожает беда, и Андрею Ивановичу повезло. Когда до аэродрома оставалось всего три километра, и колонна свернула на узкую дорогу, на взгорке что-то блеснуло.

«Оптика!» – промелькнула в голове Вагрина мысль, и он резко прижался к обочине.

Развернуться нельзя, мало места, и Андрей Иванович, толкнув в бок племянника, прорычал:

– На выход! Живо!

Иван среагировал моментально, без вопросов открыл дверь и вместе с автоматом вывалился наружу. А Андрей Иванович повернулся к Маше и благодаря этому уцелел. Впереди раздался взрыв и неизвестные противники, которые скрывались в зеленке, открыли огонь из автоматов и пулеметов. Они били по передним машинам и по замыкающей, в которой находились Вагрины, и первая очередь прошлась по лобовому стеклу.

«Как-то все чересчур жестко начинается!» – Вагрин увидел, как череп Маши, этого безвинного прекрасного существа, разлетелся на куски и он, повинуясь инстинктам, выскользнул из автомобиля вслед за племянником и скатился с обочины в придорожную канаву.

8

Я заметил беспокойство и нервозность старшего родственника, но не придал этому значения, а затем начался бой.

Скажу честно, я растерялся. Взрыв. Потом стрельба. Ничего не понятно. Однако голос Андрея Ивановича заставил меня покинуть машину и я, сам не понимаю как, оказался под кустом.

Что делать, голова шла кругом, и мое сознание разделилось на две половины. Одна продолжала бояться и хотела вжаться в землю. А другая призывала к действию, ибо – наших бьют. Хотя люди Шарукана со своими семьями и он сам, мне не свои.

– Как ты!? – рядом оказался дядька и в его правой руке был «стечкин».

– Нормально, – отозвался я и в этот момент вспомнил, что у меня тоже есть оружие, поэтому схватился за АКС и дослал в ствол патрон.

– Это хорошо, – стрельба усиливалась и Андрей Иванович, слегка приподнявшись, попытался разглядеть, что происходит на дороге.

– Дядька Андрей, а где Маша? – спросил я.

– Нет ее, – он поморщился. – Погибла.

Девушку было жаль, но горевать, когда идет бой, нельзя,

и потому образ Маши мелькнул перед мысленным взором, а затем рассеялся.

– Спецназ… – прошипел родич и добавил: – Сука! Кто же нас сдал!?

Вопрос был риторический и, снова пригнувшись, Андрей Иванович дернул меня за плечо и прошипел:

– Здесь ловить больше нечего. Уходим. Понял меня?

– Да.

– Добро. Держись рядом. Увидишь людей в черной униформе и броне – стреляй без размышлений. На поражение бей.

– Есть!

Мы собрались уходить подальше от грунтовки и плевать на снаряжение, сумки и оружие. К ним не подступиться, а время уходит. Это даже мне, неопытному оболтусу, понятно.

Перекатившись под ближайшее дерево, раскидистую березу, я поднялся. Следом за мной Андрей Иванович. Над головой продолжали посвистывать пули, но они проходили высоко. Непосредственной опасности не было и, уклоняясь от веток, мы побежали. Вот только ушли не далеко.

Стоп! В двухстах метрах от дороги Андрей Иванович резко замер и поднял левый кулак. Он что-то увидел и поднял пистолет, а я, осторожно, словно на охоте, обошел его слева и прислонился к стволу молодого дуба.

Дядька опустился на одно колено и обхватил рукоять пистолета обеими ладонями. А что касательно меня, то я по-

прежнему не видел никакой угрозы. Впереди лес. Самый обычный, в Подмосковье таких зеленок между поселками пока еще хватало.

Раздался хруст веток, кто-то ломился через кустарник и стремился скрыться в лесу, а затем раздался окрик:

– Стой, сука! Стрелять буду!

Мелькнула тень, массивный человек перебежал от одного дерева к другому, и прозвучала короткая автоматная очередь.

– А-а-а!!! – беглец закричал и вывалился из-за дерева.

Я его узнал, это был один из людей Шарукана, здоровый мужик с бандитской мордой, которого дядька называл Вепрем. Пули попали ему в ногу и в бок. Его участь была предрешена, убежать он не мог. Вот-вот должны были появиться преследователи, и они появились. Из кустарника выскочили два бойца в черной униформе с нашивками на рукавах, и на спине у каждого надпись – «СПЕЦНАЗ». На голове у преследователей кевларовые шлемы, а глаза прикрыты очками. Вооружены автоматами АКМС, точно такими же, как тот, что мы бросили в машине дядьки, а так же пистолетами и ножами.

– Попался, гандон! – со злобой воскликнул один из бойцов и ткнул здоровяка стволом автомата. – Конец тебе!

Это были его последние слова, потому что Андрей Иванович открыл огонь. Преследователи его не заметили, вышли на открытое место и проявили беспечность, за что и попла-

тились.

Выстрелы из «стечкина» на фоне перестрелки, которая продолжалась на дороге, прозвучали негромко и родственник не мазал. Первые две пули достали спецназовца, который хотел добить беглеца, и еще две попали в его напарника. Но они его не прикончили, а только ранили. Он оказался вертким, метнулся в промоину под деревом и начал отстреливаться.

Андрей Иванович залег, а я оказался совсем рядом с недобитым спецназовцем и мог его расстрелять. Однако не решился. Не доводилось раньше убивать людей, и во мне был барьер – нельзя стрелять в служивых, которые выполняют приказ. Это потом я стал отморозком, ибо сложившаяся реальность приучила к тому, что человеческая жизнь стоит ровно столько, сколько одна пуля. А тогда преодолеть запрет не получалось, и я обошел противника с тыла.

Опустошив магазин, спецназовец перезарядил оружие и затих. Он схватил подключенную к радиостанции гарнитуру, которая при падении распуталась. Наверное, боец хотел попросить о помощи. Но я уже находился рядом и он не успел.

Прыгнув на спецназовца со спины, я ударил его ногами, а потом придавил стволом автомата и прошипел:

– Лежать! Дернешься, сдохнешь!

Боец попытался вырваться, но не вышло. Он уже имел рану, плечо в крови, а я был настороже и слегка придушил его стволом, который уперся ему в горло.

Спецназовец затих и подбежал Андрей Иванович. Стрельба за нашей спиной стихала, судя по всему, бой подходил к концу, и дядька, вместо того, чтобы похвалить меня и допросить пленника, выхватил из ножен на бедре спецназовца нож и ударил его в глаз. Клинок вошел в голову бойца так быстро, что я не успел возразить, а родственник толкнул меня в грудь и сказал:

– Уходим, Ваня.

В очередной раз я подчинился. Андрей Иванович сдернул с первого мертвеца разгрузку и автомат, а потом подскочил к раненому здоровяку, который не мог подняться и быстро истекал кровью.

– Вепрь! – дядька дернул его за плечо и снова позвал: – Вепрь, ты слышишь меня?

Раненый открыл глаза и, пуская кровавые пузыри, выдавил из себя:

– Вага…

– Уйти сможешь?

– Нет… Достали серьезно… Отбегался…

– Кто против нас? Почему напали?

– Не знаю… Сдал кто-то… Я сразу на тебя подумал… Сейчас вижу… Не ты… Наверное это… Это Наемник… Падла… Он тоже ушел… В кусты юркнул… Я видел… На бункер нацелились… А у меня семья… Там… Семья…

– А что с Шаруканом?

– Попытался отстреливаться… Пулю словил… Сразу…

Вепрь начал дрожать и Андрей Иванович сказал:

– Прости, братец, но мы тебя не спасем. Я ухожу.

– Понимаю… В кармане… Возьми… Пригодится… И это… Отомсти за нас… Если сможешь…

Здоровяк закрыл глаза, жить ему осталось всего ничего, а родственник обшарил карманы его камуфляжа. Пачка сигарет и зажигалка, бумажник, паспорт и флешка.

Андрей Иванович взял только флешку, покосился на меня и отдал приказ:

– Бегом, Ваня! За мной!

Снова мы побежали и в этот раз нас ничто уже не задерживало. За час мы отмахали несколько километров, удалились от поля боя и только после этого остановились.

Присели. Помолчали. А потом родственник невесело усмехнулся:

– Как тебе приключение, племяш?

– Круто. Только людей жаль, которых перебили. Особенно Машу. А еще наши вещи и стволы, которые остались в машине. Но это ведь не самое главное. Будем жить, сможем новое барахло добыть.

Дядька помрачнел лицом:

– Это да. Безвинные жертвы. А что поделать? Суровые времена наступили. Даже раньше, чем мы думали. Чума еще не пришла, а люди уже убивают других людей, потому что хотят выжить. Сука! Если в самом начале такая жесть пошла, что же дальше будет? Как представлю, так мороз по коже.

Он замолчал и я спросил:

– Куда мы теперь?

– Добираемся до ближайшего поселка и добываем транспорт. Едем в Москву и высаживаемся перед постами. В город пройдем через промзону, а дальше посмотрим. Нас, наверное, искать станут. Но недолго и мы с тобой ко мне домой соваться не станем. Отсидимся на запасной точке, придем в себя и посмотрим, что на флешке Вепря. Как тебе такой план?

Мой ответ оригинальностью не блистал:

– Нормальный.

– Вот и хорошо. Побежали дальше.

9

Генерал Голиков смотрел на своих подчиненных, которые прибыли на резервную подмосковную базу, и понимал, чего они ожидают. Операция прошла не совсем так, как планировалось, поскольку имелись потери и в лес ушли беглецы. Следовательно, возможен нагоняй и в гневе генерал был страшен. Однако они опасались зря. Голиков считал, что три выживших повлиять ни на что не смогут. Они дичь и всего боятся, так что забьются в нору и попробуют отсидеться, а потом, все что они скажут, станет неважным. Главное – они не знали координаты бункера, а потому пусть бегут.

– Итак, – генерал посмотрел на Мухтара Ибрагимова, стройного кавказца, которого пять лет назад приметил в Махачкале и перетянул в Москву, на должность командира небольшого отряда спецназначения, – что по потерям?

– Четыре «двухсотых» и пять «трехсотых», – ответил спецназовец.

– Много… – протянул Голиков.

– Так точно, товарищ генерал. Но в колонне было много вооруженных мужчин.

– И два бойца полегли в лесу.

– Мы выяснили, кто их свалил. Вага, личный ликвидатор Шарукана. Его данные и фото уже скинули полиции, пусть они отработают. Если успеют.

– А кто еще, помимо него?

– Наемник. Сидоров Евгений Николаевич…

– Знаю кто он такой. Этого тоже в розыск.

– Конечно.

– А что личный состав спецгруппы?

– Бойцы нервничают. Было объявлено, что отрабатываем террористов, но дети… Сами понимаете, там не только мужчины были.

– Понимаю. Сколько людей с нами пойдет, если раскрыть правду?

Ибрагимов задумался и ответил:

– Могу ручаться за пятерых.

– Этих оставь с нами и помоги с эвакуацией семей. Остальных вернуть в расположение и никуда не выпускать. Пусть ждут приказов.

– Есть!

Генерал посмотрел на Иванькова:

– А у тебя что?

– Самолет Шарукана перегнали на военный аэродром. Он будет нас ждать. С владельцем и пилотами пообщался, рот на замке. Трофеи собрали. Деньги Шарукана перегнали с его счетов на наши. Разумеется, не все, а только те, до которых дотянулись. Мало ли, вдруг пригодятся. Грузы в Нарьян-Маре встретили наши люди. Бойцов Аскерова зачистили и вместе с ними доктора…

– Арцыбашева?

– Так точно.

Голиков улыбнулся, он был доволен, и одобрительно кивнул:

– Молодец, полковник. Хватку не потерял.

– Стараемся, Валерий Аркадьевич, – Иваньков тоже заулыбался.

– А что наш крот?

– Семья крота не пострадала, и она ждет за дверью.

– Польза от нее еще может быть?

– Не думаю, – Иваньков пожал плечами. – Она теперь балласт.

– Вы знаете, что делать.

Ибрагимов кивнул в сторону коридора:

– Мне заняться?

– Да, – генерал барственно кивнул.

На ходу вынимая из кобуры пистолет, спецназовец вышел, и спустя минуту раздались приглушенные выстрелы. Аллочке Смирновой, которая сдала своего любовника, как и ее родственникам, в бункере места не нашлось.

Ибрагимов вернулся, от него пахло кровью и порохом. Он кивнул генералу и снова замер рядом с Иваньковым, а Голиков, словно ничего не произошло, сказал:

– Вылетаем завтра утром, господа офицеры. На звонки вышестоящих начальников не реагировать, а лучше вообще отключить все старые телефоны и заблокировать. В общем, действуем по плану. Свободны.

Офицеры вышли. Голиков остался один и запищал его мобильник. Номер определился, ему звонил генерал-лейтенант Вереснев, и он ответил:

– На связи.

Голос Вереснева был грубым, и в нем чувствовалось раздражение:

– Что у тебя происходит?

– Ничего.

– Как же, поступил доклад, что твои бойцы какую-то колонну в Подмосковье расстреляли.

– Врут, Антон Владимирович. Мои все на базе, ждут приказа выдвигаться.

– Точно не твои?

– Какой смысл мне врать?

– Млять! – ругнулся Вереснев. – Сверху поторапливают с эвакуацией, а мне приходится выяснять, кто на дорогах шалит. Ладно. Будь на связи. Приказ получишь в ближайшие часы.

– Слушаюсь.

Вереснев отключился. После чего Голиков убрал мобильник в карман и усмехнулся:

– На херу я вертел тебя и твои приказы.

10

В Москву добрались без особых проблем. Вышли к поселку, и я сходил в магазин. Купил одежду попроще и пару сумок. После чего вернулся в зеленку, мы переоделись и упаковали оружие. Обмотали стволы камуфляжем и сложили в сумки. А затем снова вышли в поселок, заказали такси и далее по плану. Уже ночью оказались на окраине столицы, совершили марш-бросок через лес и промзону, опять вызвали такси и в пять часов утра, уставшие и голодные, оказались на съемной квартире Андрея Ивановича.

Первая попытка уйти подальше от цивилизации провалилась, хорошо хоть, что живые остались, и опять мы на исходной точке. Деньги есть, вместе с запасными документами они лежали в схроне – это основная причина, почему мы вернулись в столицу, поскольку паспорта еще будут в действии несколько дней. Однако появились и сложности. Только включили телевизор, а там уже лицо Андрея Ивановича, который объявлен в розыск как международный террорист, ваххабит, маньяк, насильник, наркобарон и злостный враг всего мира. Поэтому понятно, что к нему домой соваться нельзя. А помимо него в розыске Наемник, тот еще головорез, как говорит дядька.

Впрочем, старшего родственника угроза со стороны правоохранительных органов не пугала и, пока я дремал, он про-

гулялся по городу. А вернулся в десять часов утра, с новыми мобильниками, ноутбуком и пакетами с едой.

Короче говоря, жизнь продолжалась, и нужно было решать, какими станут наши следующие шаги. Но перед этим предстояло посмотреть, что находится на флешке покойного Вепря. Я считал, что там ничего интересного не окажется – молодой и глупый. А вот Андрей Иванович думал иначе, и пока я вскрывал банки с консервами, резал хлеб, делал бутерброды и кипятил воду, он воткнул флешку в ноутбук и начал просматривать информацию.

Я присел рядом, любопытство победило. Ну и что же на ней оказалось?

Вепрь, как объяснил Андрей Иванович, в последние годы занимался реконструкцией и модернизацией базы, которую приобрел Шарукан, и на флешке был его отчет о проделанной работе. То есть все документы по расходу средств, фотокопии чеков и нарядов, подробные планы подземных и наземных сооружений, документы на приобретенную технику, контакты с подрядчиками и видео, сделанное по завершении работ. Все это собиралось для Шарукана, дабы он видел, на что потрачены его деньги. Как я и предполагал, полная хрень, которая нам уже не интересна. Однако дядька считал иначе и, отключив накопитель информации, сказал:

– Любопытно.

– Чего же любопытного? – закидывая в рот кусок мяса, спросил я.

– А ты обратил внимание на то, что в документах указаны координаты бункера?

– Обратил. Так и что? Мы в Москве, а бункер на севере, за полярным кругом, и там сейчас новые хозяева, которые нам не обрадуются.

– Верно. Только я это дело просто так оставлять не хочу. Шарукан с братвой ангелами никогда не были и на каждом кровь. Но детей и женщин спецназовцы зря завалили. Мы себе такого не позволяли, ведь это полный беспредел.

– И чего ты хочешь?

– Мести, – он недобро прищурился, покосился на экран древнего телевизора, который транслировал новости, и взял бутерброд.

Ели молча и у каждого в голове свои мысли. Но, сколько не оттягивай разговор, его нужно продолжать. И когда последний бутерброд был съеден, а чай выпит, Андрей Иванович спросил:

– Не одобряешь мое решение?

– Нет, – я ответил прямо.

– Почему?

– Против Шарукана сработала серьезная структура. Не бандиты и не ЧОП, а спецназ. Значит, это государство. А как против него выступишь? Если они сто человек зачистили, то нас с тобой сожрут и не поперхнутся. Мы о них ничего не знаем, а они о нас все. Мы изгои, а они будут сидеть в обороне, в хорошо укрепленном месте, и завалят нас еще

на подходе к бункеру. А туда ведь еще добраться нужно. И как это сделать? Сесть в самолет и полететь? Так аэропорты, скорее всего, уже заблокированы, если реально чума надвигается. А скоро автостанции и железную дорогу закроют. Все пути на замке, а потом военные и полиция начнут кордоны выставлять и карантинные лагеря строить. Так что в лучшем случае нас запихнут за колючую проволоку и мы зависнем там, пока не появится возможность сбежать. А в худшем тупо расстреляют как подозрительных граждан или подхватим болячку. Разве я не прав?

Андрей Иванович кивнул и согласился:

– Прав. Голова у тебя соображает неплохо.

– Тогда в чем суть? Какая месть? О чем ты говоришь? Надо уходить в лес – это самый простой и надежный вариант. Я так считаю.

– В общем-то, племяш, ты все верно говоришь. Вот только в лесу мы долго не протянем, особенно в подмосковном. Ну, месяц. Ну, два. Пусть полгода. А потом все равно придется выходить, потому что зима настанет и жратва кончится. А это как раз пик болезни.

– Тогда давай двигаться к горам, – предложил я. – К Уралу, в тайгу. Или на Северный Кавказ.

– Нормальная идея. Будем двигаться. Но не к Уралу и не на юг, куда рванут сотни тысяч людей, а на север.

– Опять двадцать пять. Понятно, к чему ты клонишь. Раз все равно куда идти, то почему не к бункеру? Дался он тебе…

– Да! – он повысил голос. – Дался!

Дядька редко повышал голос. Поэтому я притих, а он продолжил:

– У меня нет четкого плана, и я не знаю, что произойдет с нами завтра. Но в одном уверен точно – отомстить нужно. По этой причине я пойду на север, а ты поступай, как знаешь. Не мальчик уже.

– Отпускаешь, значит?

– Верно. Отпускаю.

Снова молчание. Я думал. Искал оптимальное решение и ничего не смог придумать. Куда ни кинь – всюду клин. И, в конце концов, я сказал то, чего ждал Андрей Иванович:

– Я с тобой.

– Отлично, – пробурчал он, оперся спиной на подоконник и, глядя на меня сверху вниз, сказал: – Ты прав в том, что против нас сработала серьезная структура. Но если бы это было государство, то Шарукан об этом бы узнал. Поэтому считаю, что мы имеем дело с частной инициативой отдельной группы «товарищей», наглых и потерявших берега. Пусть они празднуют победу и заняли место Шарукана. Это ничего. Мы свое тоже не упустим и нагрянем, когда они расслабятся. И может так получиться, что мы будем не одни.

– Собираешься команду собрать?

– Посмотрим, в дороге всякое может случиться, – он ответил уклончиво, а затем покосился на телевизор, подошел к нему и сделал громче звук: – Кажется, началось.

В самом деле, началось. На экране появилась бегущая строка, которая сообщала, что ровно в 12.00 президент страны сделает экстренное сообщение. А спустя три минуты появился глава государства, который уведомил народ о введении чрезвычайного положения и первых заболевших черной оспой. После чего пошли кадры из больниц и стали показывать врачей, которые объясняли электорату, с чем придется иметь дело и как уберечься от чумы. Такие вот дела, и когда через час с сумками в руках мы покинули квартиру, дабы выбраться из города, то застали на улицах толпы народа.

Как водится, услышав о кризисе, люди кинулись в магазины и стали скупать товары. Спички, соль, макароны, крупы и спиртное, медикаменты и все, что могло напоминать оружие. А полиция и ОМОН не могли ничего сделать. Курок спущен и пуля вылетела.

При этом кое-где толпа стала громить склады и под шумок, прикрываясь смутой, из темных углов вылезли преступники, которые начали грабить банки и богатые квартиры. Эти дураки еще не понимали, что пачки долларов и рублей уже почти ничего не значат, и потому действовали по привычке. А нас это не касалось и, не обращая внимания на царящий вокруг хаос, мы медленно, но уверенно, выбирались на окраину. Шли пешком, так проще, ибо везде автомобильные пробки. Хотя намерение добыть автотранспорт имелось. Надо только случай удобный поймать и вскоре он представился.

11

На выезде из обычного московского двора стояли две автомашины. Новенький «Land Rover Discovery» черного цвета и белая «десятка». Никто из водителей не желал уступать, но перевес на стороне владельца внедорожника. Это был плечистый качок в белой борцовке и длинных шортах. А рядом с «десяткой» стоял пожилой работяга. Конфликт плевый. Кому-то нужно сдать назад и освободить проезд. Однако народ был на взводе. Все торопились и нервничали. Вот водители и уперлись, словно бараны.

– Ты! Козел! – орал владелец внедорожника. – Я тебя порву! Свалил отсюда! Тридцать секунд тебе! Время пошло!

– Сам пошел! – огрызался работяга. – Думаешь, крутой! Хрен ты угадал!

– Ах, падла! Ну, ты договорился!

Качок сделал пару шагов по направлению к работяге, но тот не растерялся, вытащил из салона монтировку и закричал:

– Давай! Подходи!

Его противник отступил, и вместо того, чтобы признать поражение, достал из своего автомобиля травмат:

– Подойду! Сейчас! И пулю тебе в тупую башку влеплю!

Андрей Иванович, который наблюдал за конфликтом, толкнул в бок племянника:

– Как тебе «крузак»?

Иван усмехнулся:

– Нормально.

– Берем?

– Можно. Только мы из Москвы еще не выбрались. Как проедем?

– Как и пришли, через промзону. Внедорожник проскочит. Знаю я пару дорог.

– Тогда давай.

Вагрин-старший встал и направился к машинам, а Иван подхватил сумки и поплелся следом.

Работяга, тем временем, понял, что проигрывает спор и начал отступать, а качок надвигался на него и размахивал пистолетом. Но далеко от своего внедорожника он не ушел.

– Молодой человек, – обратился к нему Андрей Иванович.

– Чего надо!? – качок обернулся на голос.

– Уже ничего, – раскрытой ладонью Вагрин ударил его в горло и он, сгибаясь, нелепо раззявил рот и выронил травмат.

Не дав пистолету упасть, Андрей Иванович перехватил его на лету, и снова ударил незадачливого качка. На этот раз рукояткой травмата по шее. А затем он толкнул его плечом и мощное тело, перевалившись через металлическую ограду, упало на цветник под окнами дома.

Полиции рядом не было, а свидетели происшествия де-

лали вид, что оно их не касается и отворачивались. Обычное дело – серые мыши из толпы не хотели неприятностей. Андрей Иванович именно такой реакции и ожидал. Поэтому махнул рукой в сторону «десятки», которая стала стремительно сдавать назад, сел за руль и завел автомобиль. Благо, ключи в замке зажигания. После чего он дождался, пока погрузится племянник и выехал на дорогу.

Объездными путями Вагрины выбирались на окраину и скоро, объехав несколько милицейских кордонов и основные автомобильные пробки, оказались в промзоне. Кругом заводы, котлованы под застройку и склады. Людей относительно немного, как и автомашин. Полицейских снова не видно.

Андрей Иванович вел машину уверенно и считал, что препятствий больше не встретит и сможет выбраться из столицы без особых проблем. Но пришлось задержаться, потому что не он один собирался быстро и незаметно покинуть Москву. Поэтому на грунтовке, которая петляла по полям за промзоной, неожиданно образовался затор. Три десятка автомобилей уперлись в препятствие, мобильный пост полиции, и Андрей Иванович, выглянув из окна, сказал Ивану:

– Всех досматривают. Не успели мы уехать.

– Давай по полю рванем, – предложил племянник.

– А если полицейские стрелять начнут? Опасно. Могут и попасть. За себя не страшно, а тебя подставлять не хочу.

– Не должны они пальбу открывать. Еще не озверели.

– Хорошо, – решился старший Вагрин.

Он прикинул, как лучше объехать полицейских. Однако в этот момент произошло то, чего он не ожидал. Впереди раздались выстрелы, и стреляли не полицейские. В одной из машин находились крепкие ребята, трое или четверо. Кто такие – непонятно, и они не стали дожидаться, пока их начнут досматривать, а первыми открыли пальбу из двух гладкоствольных карабинов и одного автомата.

Участь полицейских была предрешена. Блюстителей закона расстреляли в упор. После чего один из нападавших выскочил, собрал оружие и вернулся в машину, серую «тойоту», которая объехала пост и, пыля, скрылась вдалеке.

– Вот тебе и на… – сказал Андрей Иванович, положив ладонь на рукоять верного «стечкина».

Иван промолчал и вместо слов залез в сумку, откуда достал автомат.

– Это правильно, – одобрил Вагрин-старший. – Плевать, что могут заметить. Сейчас, наверное, у каждого, кто понял, что происходит, ствол.

Племянник кивнул, движение продолжилось и никто из тех, кто стоял в очереди на досмотр, не остался на месте. Все спешили как можно скорее покинуть место происшествия, и два мертвых полицейских лежали на пыльной обочине. Они не успели осознать, насколько все серьезно, и погибли.

Снова дорога опустела и Андрей Иванович, петляя по грунтовкам и перелескам, двигался в сторону Лобни. Москва осталась позади, и вокруг царил покой. Успокаива-

ющий и безмятежный.

– Может, остановимся? – предложил Иван.

– Зачем?

– Ноги размять и поужинать. Вечер уже скоро.

– И то дело.

Вагрин-старший заехал в лесополосу возле дороги, вышел и открыл багажник. А Иван взялся распаковывать нехитрую снедь.

– Что мы имеем? – взгляд Андрея Ивановича обшарил трофеи. – Трос, полная канистра, ключи и домкрат. Стандартный набор.

– Лучше на заднем сиденье посмотри, – сказал племянник. – Там помимо наших сумок еще рюкзак.

– Сейчас.

Андрей Иванович последовал совету Ивана и вскоре подозвал его:

– Иди сюда.

– Чего? – племянник подошел, и Андрей Иванович открыл рюкзак прежнего владельца.

Внутри были деньги. Много. В основном евро, но попадались и доллары.

Иван присвистнул и сказал:

– Ничего себе. Это чью же машину мы реквизировали?

Старший Вагрин уже посмотрел документы и ответил:

– Некто Семен Бурчевский, владелец транспортной фирмы «Северо-Восток Плюс».

– Хорошо живут владельцы транспортных фирм. Точнее, жили.

– Верно.

– А сколько здесь денег? – Иван взял пачку евро и перекинул ее с ладони на ладонь.

– Думаю, тысяч триста. Если в долларах. Может быть, больше.

– Раньше бы радовались этим деньгам, а сейчас все равно, – племянник бросил пачку обратно в рюкзак.

– Ничего. Они могут еще пригодиться.

– Посмотрим.

Включив радиоприемник, который по всем каналам передавал одно и то же, обращение президента и инструкции для граждан, родственники плотно поужинали и немного отдохнули. После чего, уже в темноте, проехали еще полсотни километров и заночевали невдалеке от Яхромы. Причем один находился в карауле, и спали они по очереди. Опасности вроде бы нет, но лучше заранее ждать неприятности, чем потом их неожиданно огрести. А под утро Андрей Иванович обнаружил у себя визитку Николая Орликова, которого позавчера встретил возле магазина спортивных товаров, и решил ему позвонить.

– Была не была, – прошептал Вагрин и набрал номер.

Орликова он знал давно. Пересекались, когда Шарукан сливал правоохранительным органам информацию на конкурентов. Делалось это через Вагрина, который держал связь

с молодым капитаном Орликовым, и все в итоге остались при своих.

Гудки. Трубку не брали, и Андрей Иванович хотел сбросить вызов, но услышал голос Николая:

– Кто это?

– Вага, – представился Вагрин.

Краткая пауза и вопрос:

– У тебя проблемы?

– Почему так решил?

– Иначе бы ты не позвонил.

– Верно. У меня проблемы. Шарукана и всю его братву вместе с семьями зачистили. Конторские отработали.

– Не слышал об этом… – Николай помолчал и спросил: – Чего ты хочешь?

– Я вскоре буду в Твери или неподалеку. Контакт хороший есть, чтобы помог кордоны объехать?

– Имеется.

– Поможешь?

– А если я в сговоре с теми, кто Аскерова убрал?

– Нет, не твоя тема.

– Правильно, не моя. Запоминай контакты. Мне уже все равно, а тебе они могут пригодиться. Если узнаешь, кто отработал Шарукана, поделись. Моему шефу это может быть интересно.

– Если получится выйти на связь, то обязательно.

– Договорились.

Орликов назвал Вагрину пару номеров, и связь оборвалась. После чего Андрей Иванович записал информацию в блокнотик прежнего владельца и разбудил племянника:

– Подъем, Ваня. Нас ждут великие дела.

12

Ночь пролетела быстро и снова в дорогу. Однако дальше продвигаться стало сложнее.

Правительство, которое спряталось от народа в безопасные убежища, задействовало войска, и сотни тысяч людей сдвинулись с места. Колонны бронетехники входили в города, и армейские группы перекрывали транспортные магистрали. Военные усилили полицию и основная задача «слуг государевых» была проста – парализовать передвижение граждан и закрыть охваченные заражением районы. Поэтому наша миграция на север резко замедлилась, хотя и не остановилась. Ведь Россия это вам не Швейцария и кто хочет обойти кордон, тот всегда найдет свободную дорожку или тропку, а если такой нет, то он протопчет свою.

На второй день путешествия, заправившись на окраине Яхромы и купив запасные канистры, которые доверху наполнили топливом, мы смогли добраться до Иваньковского водохранилища и застряли, потому что впереди услышали перестрелку. Кто и с кем воевал? Сие скрыто мраком, ибо мы объехали поле боя и снова заночевали в зеленке.

Третий день оказался более удачным, потому что дядька Андрей позвонил какому-то Жоре, который был приятелем Николая, и нас без досмотра, в сопровождении патрульной машины, всего за двадцать тысяч евро, пропустили че-

рез Тверь. После чего, можно сказать, мы вырвались на оперативный простор и доехали до Вологды, где заночевали в гостинице.

Дальше маршрут прикидывали примерно. Нужно ехать в сторону Устюга, а дальше на Ухту и Печору. А потом по обстоятельствам. Сухопутных дорог в Ненецком АО практически нет и людей там немного, я заглянул в Википедию, пока интернет пахал, и узнал, что население региона не превышает сорока пяти тысяч человек. А территория побольше некоторых европейских стран. Но есть вариант сплавиться вниз по течению Ижмы и Печоры. Или самолетом. Только это из области фантастики, потому каждый летательный аппарат уже на особом учете и охраняется.

В общем, схема действий имелась, но наступил четвертый день, который принес кучу проблем. Во-первых, отключился интернет, и пропала мобильная связь. Во-вторых, горничная сказала, что в Вологду вошли войска. А в-третьих, под окнами гостиницы стоял БТР-80, а улицы перекрыли солдаты, многие из которых были в ОЗК и в противогазах. Выехать нам не дадут – это ясно. И что делать?

Андрей Иванович отправился на разведку и, пока его не было, я стал перебирать телевизионные каналы. Хоть что-то еще работало.

Чума… Чума… Чума…

На каждом канале одно и то же. Болезнь и ее последствия.

«Тысячи зараженных в Москве»…

«Во Владивостоке приземлился самолет из США. На борту десятки больных»…

«Напряженность между Северной Кореей и Южной. Чума все спишет, а США уже не в состоянии прикрыть своего союзника»…

«Анонс популярного вечернего ток-шоу, на котором будут обсуждаться способы борьбы с модифицированной черной оспой»…

«Массовый исход жителей из Санкт-Петербурга и переезд городской администрации в район»…

«Огромная несанкционированная демонстрация жителей Краснодара, которые требуют от правительства решительных действий»…

«На трассе Ростов-Баку военные расстреляли колонну из пятидесяти легковых автомашин, которые пытались прорваться в Ставропольский край, а затем в Чечню. Много убитых и раненых. Президент Чечни угрожает военным кровной местью, но посылать своих бойцов в Россию не спешит, а границы республики перекрыты его гвардейцами, которые даже соплеменников не пропускают и всех отправляют в фильтрационный лагерь»…

«Грабежи аптек и нехватка медикаментов»…

«Телемост Новосибирск-Атланта. Ученые-вирусологи обсуждают проблему»…

«Первый вибриононоситель в Самаре»…

«Собаки и кошки? Могут они быть переносчиками забо-

левания или нет? Мнение ведущих ветеринаров страны»…

«Горящий зачумленный Париж»…

«Обезлюдевший Берлин»…

«Беспорядки в Швеции. Местные националисты заживо сжигают арабов, которых объявили разносчиками болезни»…

«Интервью министра обороны РФ. Закрытие границ невозможно. На это нет сил, и не хватает средств»…

«Выступление министра МЧС»…

«Предсказание лучших экстрасенсов. Надежда есть»…

«Заседание Организации Объединенных Наций. Генсек заявляет»…

«Слово пастырей. Совместное обращение патриарха, верховного раввина и представителей ислама. Люди – веруйте и молитесь»…

«Как правильно построить землянку, которая приютит семью из пяти человек»…

«Конец США. Как все начиналось? Прямые включения спецкоров из Нью-Йорка, Вашингтона и Лос-Анджелеса»…

В конце концов, мне надоело смотреть зомбоящик. Одно и то же. Народ успокаивают, и крупицы правды можно было выловить только в интернете, пока он имелся. И если хотя бы половина из того, что я там увидел и услышал, правда, то безопасного места на планете уже нет. Самолетами, поездами, автомобилями и кораблями человечество разносило агрессивную болячку и она распространялась стреми-

тельно…

– Как ты? – в комнате появился Андрей Иванович.

– Нормально, – отозвался я.

– Быстро собирайся, сваливаем.

– А нас выпустят?

– Я договорился, будет лазейка.

– И во что это обошлось? – я поднялся и стал заталкивать в сумку вещи.

– Сто тысяч евро.

– Смотрю, расценки растут? – на моем лице сама собой появилась улыбку.

– Да.

Мы спустились вниз и под гневные выкрики других постояльцев, которые скопились в холле и не могли покинуть здание, военные нас пропустили. После чего мы быстро запрыгнули в машину, и Андрей Иванович расплатился с моложавым офицером в полевом камуфляже, бронежилете и маской противогаза на груди. Можно уезжать, но напоследок военный сказал:

– Поторапливайтесь. В этом районе нашли больных, и он будет превращен в особую карантинную зону. Всех, кого обнаружат в городе с подозрением на заражение, начнут свозить сюда. Если вас попытаются остановить – выжимайте из тачки все, что можно. У нас приказ – стрелять на поражение в тех, кто вырвался из оцепления.

– А не боишься, что солдаты тебя сдадут? – выворачивая

руль, спросил дядька.

Офицер ухмыльнулся:

– Это мои солдаты. Связка одна.

Вояка оказался честным. Деньги взял и выпустил. Мало таких людей осталось, ведь мог обмануть.

– Он мог нас грохнуть, – сказал я, когда гостиница осталась позади.

– Да, – согласился дядька и добавил: – Но не рискнул.

– А почему?

– Видимо, подумал, что за человека, который спокойно расстается с такой крупной суммой, с него могут спросить.

– Логично.

Тем не менее, проблема военных никуда не делась, поскольку вскоре мы выбрались из города и напоролись на БТР, который перегородил дорогу. Останавливаться мы не собирались, ибо это глупо, и Андрей Иванович закричал:

– Держись!

Я вжался в кресло, а дядька прибавил скорости, стремительно объехал бронетранспортер и резко свернул в поля.

Нас не окликали и не приказывали остановиться. Этого не было, и военные сразу попытались нас расстрелять. Башня БТРа развернулась, и крупнокалиберный пулемет дал длинную очередь. Однако старший родич почуял, что сейчас нас накроют, и увел машину в сторону.

На пыльной грунтовке фонтанчики, а позади грохот выстрелов. Но, к счастью, очередь была одна и спустя несколь-

ко секунд, перескочив несколько ям, внедорожник спрятался в лесу.

Стараясь не выбираться на главную трассу, мы кружили по окрестностям и раз за разом пытались объехать Вологду. Только из этого ничего не вышло. Везде патрули, кордоны, блокпосты и заслоны. О силовом прорыве думать нечего, силы неравны, и Андрей Иванович направился на север, в объезд Кубенского озера в сторону Кириллова. И сначала все было хорошо. Проскочили Кубенское, Борисово, Новленское, Березник и Нефедово. А потом перед Никольским Торжком снова блокпост и мы в очередной раз ушли на грунтовку, долго мотались по дорогам и в итоге оказались в какой-то глухомани, в крохотной деревушке из нескольких покосившихся домиков. И все бы ничего, но кончилась горючка.

13

Кругом темно, ни в одном окне не горел свет, и только в конце небольшой улочки под напором свежего ветерка на столбе поскрипывал тусклый фонарь. Собак не слышно. Заборов нет. Все спокойно.

– Давай к дому, – приказал Андрей Иванович племяннику. – А я прикрою.

Иван кивнул и метнулся к ближайшей избе, подошел к окну и постучался.

Ответа нет и снова стук. Только после этого в доме зажегся свет, и Вагрины услышали женский голос:

– Валерка, уходи! Сто раз говорила – не приму! Уезжай, а иначе соседям позвоню и участковому! Кому сказала!?

Младший Вагрин отозвался:

– Это не Валерка!

– А кто!?

– Туристы! Заблудились и топливо закончилось! Подскажите, где заправиться можно!

Заминка. Женщина подумала и ответила:

– У нас точно не заправитесь. Это в поселок надо, а до него десять верст.

– Плохо. А позвонить от вас можно?

Опять заминка и в голосе женщины вместо нервозности появилась тревога:

– Нет! Уезжайте!

Андрей Иванович позвал племянника:

– Иван, оставь женщину в покое. Она боится.

– А чего нас бояться? – поправляя наплечную кобуру с пистолетом, Иван вернулся к машине.

– Место глухое. Ночь. Мобильник у нее, наверняка, как и у нас, не пашет. А соседи, скорее всего, старики, которые в глуши век доживают. Теперь понял ход мыслей?

– Да.

– Тогда ночуем в машине, а утром посмотрим, что тут и как…

Остаток ночи пролетел быстро. Через три часа наступил рассвет, и из дома вышла хозяйка, крепкая тридцатилетняя брюнетка. Симпатичная, только измотанная. Фигуристая – все при ней. Но глаза тусклые и радости от жизни нет. Да и откуда она, если никаких развлечений и с женихами напряг? Так думал опытный Андрей Иванович, подходя к женщине, и он не ошибся.

– Здравствуйте, – поприветствовал он ее. – Меня Андреем зовут.

– И вам не хворать, – женщина смерила гостя оценивающим взглядом и посмотрела на его машину. – А я Людмила. Живу здесь.

Старший Вагрин заметил интерес женщины к себе и продолжил беседу:

– Так что насчет топлива? Неужели здесь даже тракторов

нет? Нам надо-то всего ничего, хотя бы пять литров дизельки, только бы до крупного населенного пункта добраться. Мы заплатим.

– Я сказала уже, – Людмила пожала плечами, – нет у нас.

– А как связь с городом поддерживаете?

– К старикам, соседям моим, внуки иногда заглядывают. Все через них или на лошади в поселок выбираемся, если дорога нормальная. А как дождь, так беда – только пешком. Нашей деревни и на карте нет. Раньше тут леспромхоз был, а мы в нем работали. Его уж нет давно, а мы есть.

– Понятно. А у кого лошадь одолжить можно?

– У Трофимыча. Спросите. Может и подвезет, коли проставитесь.

– Проставимся, красавица, – Андрей Иванович улыбнулся, – не сомневайся.

Слово за слово, они разговорились. После чего Людмила проводила гостя к соседу и познакомила с Трофимычем, еще крепким стариком, который согласился съездить в поселок и помочь с топливом. Дело сдвинулось с мертвой точки и, отправив племянника за дизтопливом, Андрей Иванович снова подошел к Людмиле.

– Завтраком-то хоть накормишь, красавица? – спросил он.

– А ты заслужи! – с легким вызовом, ответила она.

– Запросто. Говори, что нужно делать.

– Вот это уже разговор. У меня электричество в подвале и на кухне не в порядке. Все искрит, и что делать не знаю.

Разберешься?

– Да.

Вооружившись инструментами, Вагрин быстро починил проводку и розетки. Уложился в полчаса, а Людмила за это время успела приготовить яичницу, нарезала салатик из овощей со своего огорода и домашний сыр, а еще поставила на стол бутылку наливочки.

«Расщедрилась, хозяюшка, наверное, понравился я лесной барышне», – сразу подметил Андрей Иванович и, поймав озорной взгляд женщины, которая зарумянилась, подмигнул ей.

Вагрин и хозяйка завтракали вместе, выпили по пятьдесят грамм наливки за знакомство, и больше себе не позволяли. Для аппетита немного можно, а пьянствовать никто не собирался. А затем, пока Андрей Иванович завтракал, он стал выяснять, как можно проехать дальше на восток к Харовску или на северо-запад к Белозерску. Только так маршрут проложить, чтобы на основных трассах не светиться.

Людмила поняла, что Вагрин интересуется неспроста, и про эпидемию уже слышала, ибо телевизоры у лесников имелись. Но скрывать ничего не стала и объяснила гостю, как можно проехать на Харовск коротким путем через леса. Да только не найдет он ту дорогу, заплутает. А вот если ее в проводники возьмет, все сложится, как надо, и до места доберется, и полицейским на глаза не попадется.

Андрей Иванович намек понял. Поэтому сразу предло-

жил Людмиле проехаться до соседнего райцентра и она, разумеется, согласилась.

Завтрак был окончен, и наступила неловкая пауза. Иван вернется в лучшем случае через час, а хозяйка суетилась и много болтала. Видимо, от каких-то своих душевных переживаний. Может быть, нафантазировала, что у нее с Вагриным что-то получится, или решила, что он ее шанс. Кто знает этих женщин? Порой они сами не понимают, чего хотят. Эту древнюю истину Андрей Иванович усвоил давно и потому молчал, сидел возле окна и время от времени посматривал на заросшую травой улицу. Ну, а Людмила, собирая сумку с вещами, все-таки на пару дней придется отлучиться, продолжала говорить:

– За коровой Семеновна присмотрит. Ничего. Ее на выпаса выгнать надо и вечером подоить, справится. А дома у меня взять нечего, накину замок и хватит. Ты не смотри, Андрей, что у нас тут разруха. Раньше веселей жили. Людей больше сотни было, автолавка приезжала и молодежь гуляла. Казалось, что все будет нормально, по-людски. Да не вышло. Мужик мой, Валерка, сбежал. Дармоед. Вот я ночью и подумала, что ему в городе опять по морде дали, и он прятаться прибежал. В тот раз не выгнала, впустила, а он меня избил, деньги отобрал и снова в город подался. А теперь точно дрыном бы по спине перетянула. Гад! Всю жизнь мне поломал. Я должна была поехать в город учиться, а тут он подвернулся. Сказок красивых наплел и я осталась. Дура, наверное?

Людмила покосилась на гостя и Вагрин ответил:

– Это жизнь. Может и к лучшему, что ты здесь.

– Вот и я так думаю. В городе страсти какие, люди мрут, словно мухи. А тут тихо…

Кстати, о тишине. Послышался шум мотора и Вагрин насторожился, поднял ладонь и спросил Людмилу:

– Кто это?

– Никого не ждали, – она подошла к окну. – У нас уже неделю никого не было.

Мимо дома проехала серебристая «Нива Шевроле дизель», но почти сразу она сдала назад. После чего из нее вышли три хмурых мужика в камуфляже, и у одного в руках был обрез двустволка.

– Валерка, – тихо произнесла Людмила, узнав среди новых гостей бывшего мужа. – А остальных не знаю.

– Понятно, – Вагрин подумал о том, что правильно поступил, отогнав свою машину за дом, и вытащил из-под пиджака пистолет.

– Ой, мамочки, – закрывая глаза ладонями, всхлипнула Людмила, увидев оружие, и опустилась на пол.

– Спокойно, – Андрей Иванович улыбнулся женщине, отступил за занавеску, которая прикрывала кровать, и добавил: – Встречай гостей. Сдается мне, не с добром они к тебе заехали, больно морды хмурые и злые, то ли с перепоя, то ли по жизни обиженные.

Вагрин затих, а женщина поднялась и замерла возле стола.

Дверь открылась, и первым вошел Валера, муж Людмилы, который с порога прохрипел:

– Встречай хозяина, женушка.

Женщина отреагировала резко:

– Пошел вон, скотина!

– Это ты зря так со мной, – усмехнулся Валера, подошел к женщине и сразу же наотмашь ударил ее ладонью по лицу.

Людмила отлетела к стене, согнулась и замерла. Вслед за Валерой в дом вошли его товарищи, и он кивнул в сторону жены:

– Как вам моя вторая половина?

Мужики засмеялись и Людмила огрызнулась:

– Мы в разводе.

– Не важно. Сейчас это уже неважно.

– Зачем приехал и кто с тобой? Чего у нас забыли?

Женщина покосилась на занавеску, но Валера не придал этому значения и ответил:

– Теперь все по-новому будет, Людка. В городе беженцы появились, а полицейских мало. Вот мы и решили, что можно неплохо навариться, пока кругом неразбериха. Так что оживет наш поселок, место укромное. Мы первые ласточки, на разведку приехали. К вам, кстати, никто еще не приезжал?

– Нет.

– Отлично, – он приблизился к Людмиле.

– Нечего вам здесь делать. Уезжайте.

– Заткнись, дура.

Валера снова замахнулся и в этот момент появился Андрей Иванович, который услышал достаточно, отодвинул занавеску и спокойно произнес:

– Всем на колени. Руки за голову.

Мужики, которые ничего подобного не ожидали, растерялись. Но человек с двустволкой попытался поднять оружие, и это было ошибкой.

Андрей Иванович выстрелил ему в ногу и попал в колено, а его подельники поспешили выполнить приказ и опустились на пол.

– Веревка имеется? – Вагрин посмотрел на Людмилу.

– Ага, – она кивнула. – Бельевая подойдет?

– Вполне.

14

В поселке, куда меня доставил Трофимыч, единственный более-менее крепкий мужик в лесной деревушке, царило оживление. Местные дрались с приезжими, и происходило это в центре, возле памятника героям Великой Отечественной. А поводом стал тот факт, что они, не считая денег, скупили все продовольствие, которое находилось в двух поселковых магазинах, а так же все медикаменты в аптеке. После чего погрузили товары в три грузовика и собрались ехать дальше.

Вот тут местные и опомнились. В провинции народ спокойней и чума была где-то далеко. По этой причине ажиотаж был, но не массовый, и кое-какие запасы в магазинах оставались. Однако появились мигранты из больших городов, прилавки и складские помещения мгновенно опустели, а затем кто-то задался резонным вопросом: «А что завтра станут есть наши дети?» Понятно, что имеются запасы в погребах, а у каждого более-менее справного хозяина собственный огород и скотина. Но где брать муку, спиртное, макаронные изделия, соль, сахар, курево, медикаменты и так далее по длинному списку? Это зацепило местных женщин, которые подняли вой, а затем уже появились мужики.

В общем, грузовики заблокировали, а приезжие, которые оказались беженцами из Костромы и двигались на север,

людьми были нервными и кинулись в драку. Общий итог: битва за припасы под памятником. Много шума, выбитые зубы и сломанные носы. Никто и никого жалеть не собирался, а участкового не видать. И, посмотрев на это со стороны, мы с Трофимычем проехали дальше и остановились возле двора его крестника, работящего трудяги по имени Евгений.

Хозяин встретил нас без радости и сразу стал жаловаться на жизнь. Денег нет. Все плохо. Чума. Приезжие магазины опустошили, но он драться не пойдет, потому что детей не хочет без кормильца оставлять. А фермер, у которого Евгений работал, задерживает выплату зарплаты. И машина, старая «шестерка», сломалась. На что Трофимыч отреагировал спокойно и предложил крестнику перебираться к нему. Дома пустые есть, а лес прокормит.

Евгений задумался и покосился на детей, двух мальчишек, которые спокойно возились в песочнице. А потом сказал, что подумает. И только после этого поинтересовался, кто я такой и зачем мы приехали.

Трофимыч, надо отдать ему должное, мозги не пропил. Поэтому говорил с Евгением конкретно и давил его сразу, пока не опомнился. Есть люди с деньгами. Они готовы ими поделиться, но крестник должен подсуетиться и быстро добыть сорок литров дизтоплива. Даем четыре цены. На что Евгений отреагировал мгновенно и сказал, что дизелька имеется. Фермер зарплату не платит, кулак проклятый, и он украл у него сто литров. Мелочь, а приятно. И еще у него

есть запасные канистры.

Вопрос решился и мы, спрятав канистры под сеном, дабы не привлекать внимание местных аборигенов, отправились обратно в лес. А Евгений, который в последний момент сообразил, что сильно продешевил, стоял и думал, догнать нас или не стоит.

Драка в центре к тому моменту прекратилась и приезжие, крепко наваляв коренным обитателям и пару раз выстрелив в воздух из «сайги», поспешили убраться подальше. После чего, наблюдая за поселковыми жителями, я понял, что следующих мигрантов, вчерашних соотечественников, в этом месте встретят плохо. Могут ограбить и даже убить. Разумеется, если они окажутся слабее.

В лесу было спокойно, вся суета осталась позади, и только тогда я немного расслабился. А Трофимыч, с которым мы быстро нашли общий язык, предложил:

– Слышь, Ваньша, а ты скажи дядьке, что не надо никуда ехать. Оставайтесь с нами. Времечко-то лихое, сам все видел, человек человеку уже не брат, а волк. Как в старые времена.

«Эх, ты даже не представляешь, дед, что я успел увидеть», – промелькнула у меня мысль, и я спросил:

– И что мы у вас делать будем?

Его ответ был коротким и лаконичным:

– Жить.

– За счет леса и огорода, как ты крестнику предлагал?

– Да.

– Оно-то, конечно, лес укроет и спрячет. Тут ты прав, Трофимыч. Да только людишки и сюда доберутся, болезнь притянут. Я в этом уверен.

– А мы еще дальше уйдем. Есть в лесу такие места, о которых даже коренные жители не знают. Если останетесь с нами, я покажу. Там болото, а на нем остров. Спрячемся, и никто не найдет. А когда все уляжется, то выйдем, и богатства окрестные нашими станут. Честно говоря, жалею, что мне не двадцать лет. Так бы развернулся. Раньше тоже молодость вспоминал, но теперь особенно. Ведь это все можно перекроить, жить иначе и по-другому. Да чего говорить? Я бы королем стал. Или князем каким.

– Феодалом, короче, – я усмехнулся.

– Верно, – согласился он. – Но я уже не стану, старый и здоровье не то, а ты сможешь.

«Непростой дед и фантазии у него вполне реалистичные», – подумал я, наблюдая за Трофимычем, и решил отмолчаться.

Так мы и ехали. Он говорил, а я его слушал, размышлял и вставлял вопросы.

Наконец, добрались до лесной деревушки, а здесь сюрприз. Дядька взял трех пленных и трофей в виде «нивы», с которой сразу слил топливо и заправил «крузак». В деревушке нас ничто уже не держало, и проводник есть, с нами собралась уехать Людмила. Однако пришлось немного задер-

жаться, ибо возник вопрос – что делать с пленными мужиками?

Самый простой вариант – помножить троицу «разведчиков», которых послали городские босяки, на ноль. Есть люди – есть проблема. Нет людей – нет проблемы. Однако Андрей Иванович, который прострелил одному мужику ногу, а другому, как выяснилось, бывшему мужу Людмилы, сломал руку, сказал, что это беспредел и мы не звери. Поэтому убивать никого не надо. И тут вмешался Трофимыч. Он понял, что мы при любом раскладе не останемся, и предложил бросить пленников к нему в подвал. Вроде бы нормально. А как быть Людмиле, когда она вернется домой? Муж, наверняка, попробует на ней отыграться за сломанную руку. Дилемма. Хотя Трофимыч сказал, что все решит.

Короче говоря, пока судили, рядили и спорили, пролетел час, и мы с дядькой отошли в сторону.

– Что скажешь, племяш? – Андрей Иванович кивнул в сторону Людмилы и Трофимыча, которые стояли возле «нивы» и продолжали спорить.

Как будут развиваться события дальше, я себе уже представил, и ответил сразу:

– Трофимыч мужиков кончит, а машину себе заберет.

– Думаешь, он решится?

– Уверен. Этот сможет.

– А Людмила?

– Раз она с нами уезжает, лучше ей не возвращаться. Ее

мужик с товарищами первые ласточки. Скоро новые гости пожалуют. А она одна.

– Жалеешь бабу? – дядька усмехнулся.

– И это тоже. Но главное – вижу, как она на тебя смотрит, а ты на нее.

– Глазастый, – он провел ладонью по моим волосам и вернулся к машине.

Трофимыч и Людмила посмотрели на него. Они ждали решения и Андрей Иванович, передавая старику ключи от «нивы» и обрез, сказал:

– Мужиков оставляю тебе. Что ты с ними будешь делать, меня не волнует. Но прими совет – решай все быстро. Или в расход, или уходи дальше в лес.

Старик отреагировал спокойно, а женщина опять завелась и стала спорить. Однако Андрей Иванович оборвал ее:

– Ты теперь с нами. Обратно не вернешься.

Людмила моментально замолчала, такой расклад ее устроил. После чего она побежала за своими вещами, которые следовало бросить в машину, а я подошел к «ниве» и нашел отличную четырехместную палатку. Новенькую. Из магазина. С ценником. Не бросать же такое добро? Слишком расточительно. Поэтому я оттащил ее в «крузак». Что характерно, под внимательным взглядом Трофимыча, который уже считал машину и все, что в ней, своей собственностью, но возразить не решился.

Деревушку покинули через десять минут. Втроем. Вскоре

она скрылась за деревьями, и начался очередной этап пути, по старым леспромхозовским и сельским дорогам в сторону Харовска.

15

Анатолий Трофимович Безуглов посмотрел вслед машине гостей, которые увезли с собой Людмилу, и с обрезом ружья подошел к подвалу. Пленные находились внизу, они услышали, что кто-то рядом, и непутевый Валерка позвал его:

– Это ты, Трофимыч!?

Безуглов не ответил, и Валерка снова подал голос:

– Выпусти нас. Мы слышали, как машина уехала. Будь человеком. Мы тебе ничего не сделаем.

Опять Трофимыч отмолчался и отправился в свою избу. Здесь на столе стояла литровая бутылка водки и закусь, маринованные грибы, и первая мысль хозяина была о том, что нужно выпить. Однако он отдернул руку от стакана, а затем отошел к окну и достал опасную бритву. Повертел ее в руках и посмотрел на себя в зеркало.

– Надо начинать новую жизнь, – сказал Безуглов. – И для начала нужно побриться.

Решение было принято и, нагрев на летней печке воду, он наполнил тазик и стал аккуратными движениями сбривать седые волосы.

Все делалось неспешно, Трофимыч никуда не торопился. И, размышляя о будущем, иногда возвращался в прошлое и вспоминал свою непростую жизнь.

Родился Анатолий Безуглов далеко от этих мест, на Дону,

в семье потомственного казака, который не забывал о своих корнях. Поэтому с детства он знал, чем будет заниматься, и хотел одного – защищать свою родину и, после окончания школы, отслужив срочную службу в пограничных войсках, Безуглов отправился в военное училище.

Будущее казалось определенным, но судьба поступила с Анатолием жестоко. На третьем курсе, провожая домой девушку, Безуглов схватился с местной шпаной. У них ножи, а у него только руки и ноги. Однако он вышел из схватки победителем. Вот только один шпаненок скончался от полученной черепно-мозговой травмы, а еще один на всю жизнь остался инвалидом. И вместо службы родине Безуглов отправился на зону, где к нему отнеслись, словно к врагу. Но опять Анатолий выстоял и не сломался, отсидел шесть лет из восьми, вышел по УДО и домой уже не вернулся.

Где только не побывал Трофимыч. В Магадане добывал золото. На Курилах ловил рыбу и крабов. На Урале добывал ценные камни и водил геологов. А потом встретил хорошую добрую женщину и перебрался в Вологодскую область, поднимал леспромхоз и хотел, чтобы супруга родила ему детей. Но не сложилось. Ничего не сложилось так, как хотел Безуглов. Жена не смогла родить, у нее случился выкидыш, и она этого не вынесла, сгорела, словно свеча. А новую жену в дом Трофимыч уже не приводил. Мог бы уехать из этих мест. Однако его нигде не ждали, и он доживал век в лесу. Вроде бы еще не совсем старый, всего-то пятьдесят семь лет, но окру-

жающие считали, что он гораздо старше и сам Трофимыч думал – жизнь кончена и следующий шаг будет в могилу.

Однако сегодняшний день все изменил и заставил его иначе взглянуть на себя. Он понял, что не все еще потеряно, и есть возможность жить иначе. Нет теперь законов, кроме тех, которые придумали сильные и хваткие, такие как Вагрины и подобные им люди. Нет искусственно возведенных моральных барьеров. Нет преград для того, кто имеет оружие и готов его применять. В прошлое уходит государство со своими чиновниками, правоохранительными органами, тюрьмами, судами и администрациями. Отныне никто не станет указывать ему, как он должен жить и, если не бояться смерти, а Безуглов ее не боялся, можно напоследок пожить, как человек.

Нет, Трофимыч не собирался грабить простых людей и без нужды кого-то убивать. Но затея организовать лесное поселение, куда не проберется чума, и создать общину, крепко засела у него в голове. В течение пары часов это стало целью, к которой можно и нужно стремиться. Поэтому он был готов сворачивать горы, двигаться вперед и решать любые проблемы.

Окончив бритье, Безуглов погладил ладонью розовую кожу и улыбнулся. После чего еще раз осмотрел себя в зеркало и сказал:

– А не такой уж я и старик. Может еще поживу лет пять, а то и десять, если раньше не пристрелят или болезнь не при-

цепится.

Отступив от тазика с уже грязной водой, он открыл старый шкаф и нашел новый камуфляж, подарок лесничего, которому Трофимыч пару лет назад помог в поиске пропавших городских охотников. И, сменив одежду, Трофимыч решил определиться с судьбой пленников. Долго думать не стал, а кинул монетку. Выпал орел и Безуглов ухмыльнулся:

– Повезло им, будут жить. Если не полные дураки.

Спустя пару минут он снова подошел к подвалу, скинул с плеча двустволку и открыл дверь.

– Трофимыч, ты что ли? – услышал он хриплый голос Валерки, который смотрел на него снизу. – Тебя не узнать. Помолодел и посвежел.

– Выходи, – приказал Безуглов. – Остальные пусть пока в подвале посидят.

Валерка, придерживая скрепленную дощечками сломанную руку, с трудом вылез из подвала. А потом Трофимыч снова закрыл дверь и пригласил его в дом, где между ними состоялась беседа.

Ходить вокруг да около Безуглов не стал. Ему была нужна информация, и он сказал:

– Давай, выкладывай.

– Трофимыч, – заныл Валерка, – чего ты? Лучше выпьем. У меня знаешь, как рука болит? Спасу нет.

– Обычный закрытый перелом и помощь оказана своевременно. Пройдет. Так что не юли. Говори, кто послал и зачем.

– Я приезжему уже все рассказал.

– А мне нет.

– Трофимыч…

Безуглов ударил Валерку по щеке и он, отшатнувшись, неловко взмахнул рукой и завопил от боли. Однако вскоре успокоился и начал рассказ.

После бегства из деревни Валерка подался в райцентр. Работал в одном месте, потом в другом. Пока не влился в бригаду шабашников. Работы хватало. Дом перекрыть, забетонировать что-то, фундамент залить или забор поменять. Мужики собрались работящие, хотя и пьющие, да без царя в голове. Днем пахали, а ночами пили.

Потом чума и бригадир, головастый мужик, успевший провести несколько лет на зоне за грабежи и разбои, сообразил, что надо валить из города. Но не просто так, а с прибытком. Задумка простая – на продовольственной базе, где в последний раз трудилась бригада, много товара, а охраны нет. Есть машины и техника, все это можно украсть и присвоить, спрятать в лесах и пользоваться. А попутно грабить беженцев и тянуть в чащу красивых телок.

Работяги своему бригадиру, который привел пару приблатненных знакомых, поверили и его идею поддержали. После чего в леса были высланы две команды.

Примерно так Трофимыч себе все и представлял. Поэтому налил Валерке стакан водки и приказал:

– Пей.

Валерка шумно выдохнул и опрокинул стакан в горло. Потом закусил и посмотрел на Безуглова:

– Что дальше, Трофимыч?

– А дальше ты с другом, который здоров, вернешься в город и вызовешь сюда бригадира. Скажи ему, что я с ним поговорить хочу, тема достойная имеется. И ему хорошо будет, и мне, и всем вам. Понял?

Непутевый Валерка ни черта не понял, но кивнул:

– Да.

– Тогда вперед.

Мужики вышли из дома, остановились возле «нивы» и Валера спросил:

– А как же мы поедем? Топлива нет. Я видел, как новый Людкин хахаль все слил.

– Не кипишуй, – Трофимыч усмехнулся. – Пока приезжие суетились, я одну канистру в сторонку отставил. А они не заметили.

16

Ночь. В одиночестве я сидел в машине и пытался при помощи мобильника поймать какую-нибудь радиостанцию. Однако кроме местной волны, которая по кругу передавала одно и то же – город Великий Устюг закрыт, ничего не было. Треск помех и на этом все.

– Блин!

Я бросил бесполезный мобильник на приборную панель. После чего, подтянув наплечную кобуру с пистолетом, накинул легкую курточку, взял отобранный вчера у попавшегося на пути наркомана хороший тактический фонарик и вышел.

По телу сразу озноб. Середина августа и должно быть тепло, но мы не на юге и даже не в Москве. Забрались на север прилично и ночами здесь прохладно. А если более точно обозначить свою локацию, то мы где-то между опустевшим поселком Новатор и городом Великий Устюг, в котором живет Дед Мороз. Вокруг нас полевой лагерь беженцев и в нем больше двух тысяч человек. Топлива нет. Деньги потеряли свою цену. С едой плохо. Чистая вода в дефиците. Город закрыт и объехать его невозможно. Везде армейские патрули и полиция, а помимо них неплохо вооруженные ополченцы, больше напоминающие бойцов ЧВК. Одинаковая униформа и оружие, а так же четкая структура управления. Причем почти все они, как говорят беженцы, которые с ними общались,

не местные.

В общем, мы в очередной раз застряли. С каждым днем в лагере все больше народа, люди волнуются и нервничают, вспыхивают драки, а вероятность заражения растет. Был слушок, что сегодня на дороге машину пытались остановить. Она хотела прорваться через кордон и ничего не вышло. Заградотряд ее расстрелял. А когда бойцы подошли, то обнаружили внутри трех человек и у каждого лицо в белесых оспенных волдырях. После чего машину сожгли, а бойцов отправили в карантин, слишком близко они приблизились к опасности.

Такие вот дела. Мы в лагере старожилы, четвертый день сидим, и никак не можем решить, что делать дальше. Дядьке проще. Он палатку поставил и постоянно проводит время с Людмилой. Охи-вздохи-стоны. Ему вроде как думать некогда, вся энергия в член ушла. И Людка рада, в ее жизни появился настоящий мужчина. А мне чем заняться? Люди кругом чужие, общение с опаской, и каждый готов к тому, что сосед окажется врагом или больным. Тем более что у каждого пятого огнестрел, а у остальных ножи, топоры и мачете. Словно на Диком Западе оказался. Вчера попытался в Новатор сходить, думал, может, чего найду. Но не дошел. С какими-то агрессивными бродягами бомжеватого вида столкнулся. Пришлось даже стрелять. Пока в воздух. А потом возвращаться.

Посмотрев на небо, я не увидел звезд. То ли кроны дере-

вьев не давали их увидеть, то ли тучи. Не разберешь. Время около десяти часов вечера, спать рано, да и не охота, днем пару раз вздремнул. К ручью за водой сходил, а потом по лагерю пошлялся и новости послушал. Поэтому не устал.

Тихо, стараясь не шуметь, я приблизился к нашей палатке и прислушался. Внутри шорохи и тихие стоны Людмилы.

«Опять они за свое, только секс на уме», – промелькнула у меня мысль и, улыбнувшись, я снова отправился бродить по лагерю.

Опасно это – в темноте ходить. Но есть тропки, которые считаются общими, и я двигался по ним. Одна из нашей рощи через поле на трассу, а другая к речке, которая снабжала лагерь водой.

Прошел мимо потрепанной белой «десятки». Хозяина, сурового мужика, который представился как Шериф, и его жену татарку Мадину не увидел. Наверное, они уже спят.

Дальше набитый вещами автобус «ПАЗ» и здесь многолюдно. Семь-восемь человек в возрасте от пятнадцати до пятидесяти лет сидели возле костра, в котором горела старая покрышка, и о чем-то спорили. Говорок непонятный. Это многодетная семья Ефремовых, они пермяки или коми. Я этого не понял. Выглядят как русские, половина блондины с голубыми глазами, и разговаривают по-русски чисто. А между собой общаются по-своему. Не разберешь. Ясно одно – они родом из этих широт, но проживали в Нижнем Новгороде. Хотели вернуться в Пермский край, спрятаться у ро-

дичей в лесах. Да не вышло. От кордона до кордона ехали, и оказались под Великим Устюгом.

За «пазиком» поцарапанный «мерседес» черного цвета и рядом красивая девушка, которая разговаривала с двумя девчонками-близняшками. Она общаться ни с кем не желала и всегда держала под рукой травматический пистолет. Но кое-какую информацию я из нее выудил. Зовут Светлана. Из Москвы. Была подругой серьезного предпринимателя. Когда узнала о надвигающейся беде, вместе с хахалем и детьми, которые оказались ее сестрами, в Ямало-Ненецкий АО, где у мужика бизнес и жилье. Любовника по дороге потеряла, то ли убили, то ли сам сбежал. И она зависла. Куда все едут, туда и она. Короче, потенциальная жертва. Баба взрослая, а дура-дурой. Ладно, сама. А детей куда тянет? Ведь пропадут же, им не больше девяти-десяти лет, прямо ангелочки, совершенно не приспособленные к выживанию в дикой природе. И может меня бы это не задевало так серьезно, но девушка очень уж красивая. Длинноволосая блондинка, стройная, фигурка точеная и грудь третьего размера. Есть на что посмотреть и за что подержаться. Как ее увидел, даже сердце дрогнуло. Понимаю, что она немного старше и с детьми, которые на данный момент являются бесполезным балластом. Но все равно приятно на нее смотреть и хочется улыбаться. Что это – легкая влюбленность, ностальгия по прошлым временам, когда такие красотки были вокруг, или нечто большее? Не понимаю, и это мне не нравится, потому что отвле-

кает.

– Привет, Свет, – я махнул ей рукой и улыбнулся девчонкам. – Как дела, крохи?

Она не ответила, и дети прижались к сестре.

Пожав плечами, пошел дальше и следующая машина «камаз» без прицепа. Внутри горел свет и видно, как дальнобойщик Мухтар, дагестанец, который никак не мог добраться домой, потому что кончилась горючка, пытается кому-то позвонить. Как ни пройду мимо, он телефон мучает и ругается. Думает, что вот-вот появится связь, хотя бы на полчаса, и он созвонится с земляками, которые ему помогут. Ага… Сейчас… Нынче каждый сам за себя. Хотя пока Мухтар не сломал автомобильную рацию, я с ним делился продуктами. Он мне информацию, а я ему пачку галет и банку тушенки. Что характерно, свиной, и он не отказывался. Только ел ночью, чтобы Аллах не увидел.

По тропинке прошел еще десять метров и оказался на поляне. Когда мы на нее впервые заехали было чистенько, а сейчас, прошу прощение за выражение, все засрали. Здесь молодежь тусуется, мои ровесники. Но мне с ними не по пути. Шесть машин и четыре мотоцикла. В толпе полтора десятка парней и девчонок. Сами себя они называют хиппи. А по сути, кучка дармоедов. Постоянно трахаются, бухают и мастерят бульбуляторы. Им все равно, что будет завтра, и я хотел навести порядок, поговорить с ними серьезно и предложить выбор. Они остаются и ведут себя тихо. Или свали-

вают. Но дядька не подписался, ему лень, а остальные в стороне. Ну, а сам я не герой, хоть и с оружием. У них, между прочим, тоже стволы имеются.

За поляной, которую миновал спокойно, две машины, «нива» и какой-то «кореец». Здесь друзья, семьи Довлавтовых и Укладниковых. Два офицера отдыхали на Урале, а сами из Питера. Быстро вернуться на родину не получилось, и течением их вынесло сюда. Далеко и не в ту сторону, но они не унывали, держались бодрячком и пытались пробиться в Устюг, чтобы найти военкома. В конце концов, они военные люди, и для них должно найтись дело. Вот только третьи сутки они торчат вместе с нами, ибо бойцы ЧВК их не пропускают, а жены, молодые стервочки, проедают офицерам плешь.

– Иван, ты? – меня окликнул Костя Укладников.

– Да, – я остановился.

– К дороге идешь?

– Просто гуляю.

– Погоди, я с тобой.

Оставив друга возле машины, охранять женщин и выслушивать их претензии, Костя подошел и на плече у него висел «тигр». Где он его достал, офицер не говорил. Видимо, отобрал у кого-то или украл, а может трофейная, потому что на лобовом стекле «корейца» пулевое отверстие. Хотя это неважно и несущественно.

– Выстрелы возле дороги слышал? – спросил он.

– Давно?

– Двадцать минут назад.

– Нет. Я в машине был.

– Проверим, что там?

– Запросто.

Мы двинулись к дороге, быстро выбрались из рощи и остановились. Между нами и трассой убранное сельхозполе и кругом костры, которых было гораздо больше, чем вчера. Не меньше двухсот. И это с учетом того, что не все разводили огонь, поскольку мало дров.

Только хотели продолжить движение, как навстречу, по направлению к реке, процессия из полусотни людей. Мужчины, женщины и дети. Все вперемешку. А впереди полный бородатый мужик в черном подряснике, отец Никодим. Вместе со своей паствой из Салехарда, за счет местного олигарха-благотворителя, он отправился в паломничество по святым местам Центральной России, а назад вернуться не может. Паства где-то в Москве растворилась, не захотела или не смогла покинуть столицу, а он упрямый.

– Отец Никодим, – я позвал его, – в чем дело, кто стрелял?

Он остановился и, указывая в сторону Устюга, пробасил:

– Отродья сатанинские в воздух стреляли. На пяти машинах оружные подъехали и сделали объявление. До утра все должны убраться отсюда. Иначе они примут меры.

– Какие?

– Сказали, из минометов лагерь накроют. Я пытался вра-

зумить их, но не вышло. Ударили они меня, а мужчину, который слово поперек сказал, жизни лишили.

Священнослужитель замолчал, и зарыдали бабы, а я задал новый вопрос:

– А вы теперь куда?

– С божьей помощью, помолясь, перейдем через реку и обогнем стороной нечестивый град. Потом на Коробейниково выйдем и побредем на Сусоловку.

Народ двинулся дальше, по направлению к реке, а мы с Укладниковым переглянулись и он сказал:

– Думаю, все серьезно.

– И я такого же мнения. Пошли обратно. С нашими поговорить надо.

17

Когда Иван принес весть о зачистке, которая начнется утром, Андрей Иванович как раз выбрался из палатки отдышаться. Людмила женщиной оказалась темпераментной и мужским вниманием не избалованная. Поэтому Вагрин-старший выкладывался по полной, словно ему не сорок, а всего двадцать лет. Но при этом он, конечно, голову не терял и продолжал думать, как быть и куда направиться. Вот только делал Вагрин все без суеты, поскольку чувствовал, что немного времени в запасе еще есть. Это племяннику на месте не сиделось, все равно куда идти, только бы двигаться. А его движение наобум уже не устраивало и если бы ни угроза со стороны непонятных вояк, оккупировавших Устюг, он увел бы свою небольшую группу на следующий день.

– Так что будем делать? – Иван поторопил старшего родственника.

– Уходим, – сказал Андрей Иванович.

– Куда?

– Сначала за священником через реку переберемся. А потом на Котлас, до него километров семьдесят. Если нормально идти, без напряга, дойдем за трое суток.

– Это если нас по дороге не перехватят и местные аборигены в рабство не возьмут.

– Все может быть, но мы с тобой не мальчики для битья, –

Вагрин-старший посмотрел в сторону палатки и окликнул любовницу: – Люда! Собирайся!

Словно верная и любящая жена, Людмила без споров стала собирать вещи и брала только самое необходимое. Иван тоже принялся за дело. А Андрей Иванович, не торопясь, провел ревизию того, что необходимо взять с собой.

С вещами Людмила и Ванька сами разберутся. Ученые уже и в походную жизнь втянулись.

Палатка. Она нужна обязательно, потому что ночью прохладно и неизвестно, куда занесет судьба. Она много места не займет, в чехол и на плечо.

Котелок, три кружки, три ложки, пара тарелок, нож и три фляги. Все пригодится.

Продукты. Осталось семь банок тушенки, пять банок рыбной консервации, пакет сухарей, две бутылки водки, десяток галет, банка кофе и три пачки чая, несколько картофелин, шоколадки, килограмм конфет и пакеты с лапшой быстрого приготовления. Не густо. Но на пару-тройку дней хватит, а если растянуть, то и на более долгий срок.

Оружие. У всех свои ножи. У Ивана пистолет, АКС, гранаты и пара сигнальных ракет. А у старшего Вагрина пистолет, АКМС, гранаты и запасной «макаров». У Людмилы, которая только сегодня узнала, куда направляются Вагрины, еще один «макаров» из московского схрона. Арсенал неплохой и боеприпасов достаточно. Еще бы хорошие радиостанции достать, подствольники и пулемет, который можно устано-

вить на машину, а потом топлива добыть, совсем здорово стало бы. Но это только мечты. Народ сейчас хваткий – все кино про апокалипсисы смотрели, и людей, которые задумывались о выживании, хватает.

Что еще? Подсвечивая фонарем, Андрей Иванович обошел стоянку, забрал бинокль, а так же один мобильник, зарядку и гарнитуру. Вдруг пригодится? А еще на глаза попался прорезиненный плащ. Больше ничего интересного он не нашел и быстро собрал палатку. Упаковал свои вещи в рюкзак, и оказалось, что он опередил Ивана, который до сих пор возился.

Наконец, сборы были закончены. Время за полночь и можно выдвигаться к реке, она летом не глубокая и вода не сильно холодная, а неподалеку, если идти к Новатору, люди видели лодки, а там и мост может быть или дамба.

Однако пришлось немного задержаться. В очередной раз. И Андрей Иванович усмехнулся. Как ни выход, так появляется какая-то препона. Вот и теперь, только собрались накинуть рюкзаки, как подошел Укладников, а за его спиной еще несколько человек. Андрей Иванович с «соседями» общался редко, но узнал Шерифа с женой, многодетного отца Олега Ефимова и Светлану, которая за руки держала сестер.

– Вам чего? – поинтересовался Вагрин, уже понимая, зачем пришли люди.

– Иваныч, ты уходишь? – спросил Укладников.

– Как видите.

– Нас в компанию примешь?

– А сами?

– Можем и сами, но ты, по всему видать, человек бывалый. С тобой надежней.

– Мы на Коробейниково пойдем и дальше на север. А вам ведь в другую сторону.

– Плевать. Главное – добраться до города, где еще есть власть. Там разберемся.

– Ладно. Присоединяйтесь. Только учтите – никого ждать не стану. Как мы идем, так и вы.

– Заметано. Через пять минут будем готовы.

Укладников, Шериф и Ефимов ушли. Но осталась Светлана, которая спросила:

– А мы?

– Что вы? – Вагрин нахмурился. – С тобой дети. Ты за нами не успеешь. Сколько им?

– По десять лет.

– Малые совсем. Иди по дороге, подальше от Устюга. Там к кому-то прибьешься.

Женщина опустила голову, а Андрей Иванович заметил, как напрягся племянник и, прижав его голову к своей, шепотом спросил:

– Понравилась? – Племянник замялся и старший Вагрин встряхнул его: – Я вопрос задал.

Иван высвободился из захвата и ответил:

– Да.

– Серьезно?

– Не знаю.

– Если возьмем ее с собой, поможешь с детьми?

– Помогу.

– Добро. Слова не мальчика, но мужа. Только учти, доведем до ближайшего спокойного места, а дальше сами. Или возьмешь ответственность на себя. Усек?

– Договорились.

Тем временем Светлана и плачущие девчонки, которые устали и хотели есть, побрели к своей машине и Андрей Иванович остановил их:

– Погодите!

Они обернулись и Вагрин сказал:

– Вы с нами. Только быстрее сумки собирайте.

Группа, в которой оказалось двадцать шесть человек, собралась через час, и Андрей Иванович повел бродяг к реке, название которой никто из беженцев не знал. Шли по следам отца Никифора и других людей. Так что вскоре нашли дамбу, по ней перебрались на другой берег и произошло это как нельзя кстати, потому что военные из города не стали ждать рассвета.

Сначала над рекой прошел беспилотник, который повернул к трассе. А затем послышался знакомый многим военным противный визг. Это были мины, и они обрушились на придорожный лагерь.

Сначала далекие выстрелы. Бум! Бум! Бум!

Потом вой, падение и взрывы. Бах! Бах! Бах!

На правом берегу реки зарево пожаров, горели автомобили. С беженцами никто не церемонился, и проблема решалась кардинально.

– Сто двадцать миллиметров… – сказал Укладников. – Что творят, подонки. Еще двух недель не прошло, как о чуме объявили, а они уже свой народ убивают.

– Точно, – согласился с ним Вагрин и поторопил людей: – Живее! Не отставать!

Идти было тяжело. Дети ныли и плакали, а жены офицеров на ходу продолжали пилить своих благоверных. Кто-то ногу растер, а другой поцарапал коленку. Все это тормозило движение, и Андрей Иванович сто раз пожалел, что согласился вести колонну. Однако он сдержал раздражение, а на рассвете объявил привал и заметил, что Иван крутится возле Светланы. Он сноровисто развел костерок и повесил над огнем котелок. После чего, пока закипала вода, вскрыл банку тушенки и стал кормить девчонок, которые с жадностью набросились на еду.

«А парень молодец, – отметил Вагрин. – Сообразил, как красавицу приручить. Вот только она и ее сестренки все равно обуза, от которой надо избавиться при первой возможности».

18

К Коробейниково группа вышла после полудня, но в поселок мы не вошли, потому что он горел. Кто его подпалил? Что там произошло? Эти и другие вопросы, конечно же, интересовали всех. Однако желающих пойти в Коробейниково и узнать в чем дело, не нашлось. Количество людей, которые были готовы без оглядки доверять другим людям, стремительно сокращалось. И, спрятавшись в придорожном лесу, группа немного отдохнула, а после разделилась. Ефимовы и Шериф пошли в сторону Сусолово – это на востоке. А мы, Светлана с сестрами, которых звали Инна и Варя, а так же офицеры с женами, вдоль дороги потопали на север, в сторону Васильковского и Красавино.

До вечера ничего не происходило. Девчонки продолжали хныкать, и я шел рядом с ними, помогал Светлане. А Миша Довлатов, которому надоело слушать жену, немного отстал и врезал ей. Фингал под глаз поставил, и она притихла. А заодно заткнулась супруга Укладникова, которая заметила, что ее благоверный тоже теряет терпение.

В сумерках остановились на ночлег, опять в лесу, и нашу палатку отдали женщинам. Время хоть и суровое, но мы еще не совсем озверели. А потом поделились с попутчиками продуктами и наш запас иссяк.

Поужинав, распределили караулы, и я заступил в первую

смену. Только отошел в темноту, чтобы глаза привыкли, как услышал шорохи. Кто-то приближался. Зверь? Возможно. Или человек? Тоже может быть, и я приготовил автомат, встал за дерево и притих.

Ожидание было томительным, но я сдерживал себя и не торопился поднимать тревогу, ибо не хотелось выглядеть паникером. А спустя несколько минут рядом с деревом остановился человек. Он был один и, неожиданно осветив его лучом прикрученного к АКС тактического фонаря, я сбил человека ударом ноги по корпусу, приставил к голове ствол и заорал:

– Лежать, сука! Кто такой!? Отвечай!

В ответ знакомый голос отца Никифора:

– Не стреляйте… Не надо… Я божий человек…

На шум прибежали Укладников и дядька. После чего они проводили священника к огню, и я был рядом. Интересно ведь, что произошло и где попутчики Никифора.

– В чем дело? – первый вопрос Никифору задал дядька.

– На нас напали… – выдохнул он.

– Кто?

– Не знаю. Возле Коробейниково. Поселок уже горел, когда мы подошли, и на нас налетели. На мотоциклах и машинах, здоровые мужики. Может, байкеры или банда. Безумные они и глаза у всех, словно из стекла.

– Оружие у них было?

– Да. Много. И автоматы, и ружья. Даже пулемет видел.

– Они в вас стреляли?

– Не сразу. Сначала всех в кучу согнали, и красивых женщин выбрали, трех или четырех. Остальным велели бежать к лесу. Мы побежали, и они стали нас догонять, а потом рубили саблями и топорами.

– Рубили? – дядька был удивлен.

– Именно.

– И не стреляли?

– Нет.

– Допустим…

– Вы мне не верите!? – воскликнул священник и задрал подрясник. – Смотрите!

У него на боку был длинный порез и еще один на плече. Но оба неглубокие.

– Что дальше было? – Андрей Иванович продолжил расспрашивать Никифора.

– Я сбежал. Нас было трое. Но мы разделились, и я остался один. Вслед стреляли, но недолго. Пять или шесть раз, точно не помню.

– Еще что-то рассказать можешь?

– Среди этих бандитов были больные.

– Точно? – все, кто был рядом с Никифором, не сговариваясь, отодвинулись от него.

Он это заметил, и устало кивнул:

– Точно. Я видел троих. На лицах крупные белесые волдыри.

– Они были со всеми?
– Да. И никто их не сторонился.
– А к тебе они прикасались?
Священник перекрестился:
– Слава Богу, нет.
– А подходили?
– Тоже нет.

Самое главное Никифор сказал, и его положили отдельно от всех, а утром священника уже не было. Он ушел в смену Укладникова и дядька с ним поругался. Хрен с ним, с этим Никифором, ушел и одним едоком меньше. Но почему офицер не поставил в известность нас? Короче говоря, слово за слово, Укладников начал огрызаться и дядька, не сдержавшись, ударил его в челюсть. Довлатов попытался помочь другу и за ствол схватился, но я передернул затвор автомата и это его остановило. После чего группа снова распалась, и офицеры решили двигаться отдельно. Я предлагал родичу отнять у них «тигр», но он их пожалел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.